П. И. КОВАЛЕВСКИЙ

1

ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ ИЗ ИСТОРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исследовательский очерк профессора медицины, автора многих научных трудов по психиатрии П.И. Ковалевского анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики Иоанна Грозного. Художественность, тонкая историческая наблюдательность и глубина научных обобщений делают эту работу интересной для самого широкого круга читателей.

- П. И. Ковалевский
  - Часть первая
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
  - Часть вторая

П. И. Ковалевский
Иоанн Грозный

Часть первая

Глава I

Каждый человек представляет известное количество вещества или материи, развивающей из себя соответственное число силы. Таким образом это будет единица вещества, порождающая известную соответственную также единицу силы. Эта единица вещества, соответственно химическому составу отдельных своих частей, порождает силу как простую, грубую, физическую, так и высшую, духовную, в виде проявлений мысли и чувства. Количество материи или вещества, получаемое каждым человеком для своего тела, и расположение отдельных его частей так похожи друг у друга, что невольно является вопрос о тождестве и подобии друг другу людей. При таком тождестве организации человека, тождестве количественном и качественном, весьма естественно порождаются мысли и о тождестве отправлений этой организации, значит, о тождестве силы физической и душевной людей.

Однако на деле оказывается, что люди довольно резко разнятся друг от друга как внешним обликом своей организации, так и обликами духовной и физической деятельности этой организации. Чем же обусловливается эта разница?

Два деятеля создают отдельного человека с его особенностями телесной организации, духовного облика и физической деятельности – наследственность и воспитание.

Нарождаясь на свет, маленькое человеческое существо является носителем организации своих родителей, следовательно, этот человек как физически, так и духовно должен быть повторением своих родителей. Но родителей два: отец и мать. Дети всегда похожи на своих родителей. Это верно. Но каждый ребенок представляет собой сочетание черт как отца, так и матери. Правда, в одних случаях этот потомок носит на себе преобладание черт отца, а другой раз – матери, тем не менее мы редко видим, чтобы дети носили в себе исключительно внешний вид и характер отца или же внешний вид и духовную организацию матери. Этим смешением в образовании в детях свойств отца и матери создаются первые начала *личных отличительных свойств* ребенка – его личной обособленности, его индивидуализации. На этом наследственном свойстве детей заимствовать от родителей черты, свойственные каждому из них, и соединять их в себе в новом сочетании в виде подобия двум своим предкам и зиждется способность рода человеческого совершенствоваться и вырождаться. Обыкновенно у наследуются от родителей детьми те черты их, которые в организме родителей

были наиболее резки и наиболее устойчивы. Если родители в том или другом отношении представляли сходство, то эти черты в детях сочетались, усиливались и проявлялись резче и отчетливее, чем у каждого из родителей, при существовании противоположных черт в том или другом отношении, дети, приблизительно, унаследуют среднепропорциональную величину организации той или другой особенности.

Может случиться, что родители представляют сходство в чертах организации, способствующих совершенствованию ее: крепким телом, большим умом, необыкновенной энергией и т. д. Дети этих родителей являются на свет при весьма благоприятных условиях существования их организации, они также могут рассчитывать быть крепкими, умными, энергичными. Во всяком случае у этих детей гораздо больше данных быть таковыми, чем если бы с вышеуказанными свойствами являлся один только родитель. Иными свойствами обладают дети, если их родители слабы, болезненны, апатичны, сварливы и т. д. Такие дети уже от рождения намечаются в дань склонности к болезням и последующему вырождению.

Таким образом, наследственность предопределяет будущее детей в зависимости от организации и качеств их родителей. Прискорбно было бы смотреть на такую картину человеческого общества, если бы в его существовании наследственность играла роль единственную и исключительную. Тогда почти с математической точностью мы предрекали бы, что Ивановы должны вымереть, а Петровы забрать верх в обществе, Сидоровы колебаться между жизнью и смертью. В этом случае со всею своею наготою должен был бы выступить вопрос *естественного подбора,* причем родители всеми силами должны были бы заботиться только о том, чтобы своим дочерям выбрать крепких и сильных мужей, а все слабые должны были бы быть обреченными на погибель, как в Спарте. Такое положение дела слишком походит на конюшню и конский завод.

К счастью, в деле физической и духовной организации человека играет роль равную наследственности – второй деятель – воспитание, разумное воспитание в самом широком смысле – питания организма и его образования. Воспитание, путем упражнения, благоразумного питания организма и надлежащей обстановки в жизни данного молодого организма, может более или менее легко парализовать неблагоприятные особенности унаследованной организации данного человека, – оно же, при обратных условиях, может и погубить его.

Таким образом, наследственность и воспитание являются весьма важными деятелями в жизни человека, не только в смысле

образования его индивидуализации, но и в смысле его существования вообще.

Что мы сказали вообще о существовании человеческого рода, то вполне применимо и в частности к его душевному здоровью.

Душевное здоровье или нездоровье людей обусловливается двумя главными моментами: наследственностью и условиями жизни, при которых человек растет, развивается и совершенствуется. Может случиться, что человек родится от совершенно здоровых родителей и в наследство получит крепкую и мощную нервную систему, – тогда представляется много данных к тому, что этот человек, при благоприятных условиях роста и развития, выйдет крепким, мощным и здоровым. Но может случиться и так, что родители больны нервно или душевно, тогда и дети их обязательно унаследуют от них нервную систему не крепкую, склонную к заболеванию и не способную идти, при обычных жизненных условиях, в уровень с человеком, унаследовавшим здоровую и мощную нервную систему – орган душевной деятельности. Таким образом, если бы в созидании душевного здоровья или нездоровья играла роль только одна наследственность, то уже с первого раза мы разделили бы род человеческий на две половины: на здоровых и обреченных на заболевание, на мощных и немощных, на годных к жизни и негодных, на чистых и нечистых. Но одна наследственная передача жизнеспособности нервной системы не имеет решающего значения для душевной жизни людей. Существует еще второй деятель, проявляющий весьма серьезное влияние в развитии унаследованных свойств и качеств и имеющий не меньшее значение, чем и наследственность.

Это именно воспитание в широком смысле слова: образование и т. д. Этот деятель не только дополняет качества организации, полученные по наследству, но нередко и исправляет унаследованное, – равно нередко и портит то доброе, что получено от родителей. При этом может быть четыре главных случайности: 1) дети родятся от здоровых родителей и воспитываются при благоприятных условиях существования – это баловни природы, 2) дети родятся от здоровых родителей, но воспитываются при весьма неблагоприятных условиях существования, – в этом случае добрые начала, полученные от родителей в наследство, портятся жизненной обстановкой и таким образом дают душевной жизни человека не надлежащее направление; 3) дети родятся от нервно– и душевнобольных родителей, но воспитываются в правильных и здоровых жизненных условиях; здесь также происходит борьба двух сил, в которой недобрые задатки, полученные по наследству от

родителей, могут быть исправлены и сглажены правильным и разумным воспитанием, – наконец, 4) дети, родившиеся от больных родителей, проходят плохой жизненный путь, при неблагоприятных условиях воспитания, – эти несчастные нередко имеют довольно плачевное будущее.

Что же наследственно передается от родителей к детям? Прежде всего является та мысль, что от родителей к детям передаются самые болезни: сумасшедшие родят сумасшедших, эпилептики – эпилептиков, истеричные – истеричных и т. д. На деле оказывается вовсе не так: почти никогда сумасшедшие не родят сумасшедших, эпилептики – эпилептиков и т. д. Наследственно от родителей к детям передается не готовая уже болезнь, а такая нервная система, которая склонна бывает, при неблагоприятных жизненных условиях, подвергнуться заболеванию. Мы говорим, что дети больных родителей унаследуют *неустойчивую* и склонную к заболеванию нервную систему, которая при одних жизненных условиях может быть здоровою, жизнедеятельною и правильною, при других же условиях она может дать болезнь, – какая же при этом явится болезнь – душевная, истерия, эпилепсия, пляска св. Витта и т. д., – покажет будущее. Словом, наследственно получается неустойчивая почва, на которой может возрасти как здоровый, так и нездоровый плод, в зависимости от удобрения и мер предупреждения и пресечения. Разумеется, при этом играет весьма важную роль и степень болезненной наследственности. Чем сильнее было выражено нездоровье в родителях, тем сильнее и резче выражена будет нервная неустойчивость и склонность к заболеванию в детях, – и чем слабее она была выражена в родителях, тем меньше будет нервная неустойчивость в детях и тем больше существует надежды на возможность ее исправления. Так, душевная болезнь родителей, без сомнения, дает несравненно более глубокую и сильную болезненную наследственность, чем простая мигрень, истерия и проч.

Далее, в напряженности болезненной наследственности весьма важно различать – будут ли оба родителя представлять для передачи неблагоприятную почву, или только один. Разумеется, несравненно хуже для детей, если и отец, и мать люди нервные или душевнобольные, и несравненно благоприятнее, если болен только один из родителей.

В обществе существует очень неправильный взгляд на то – какие болезни, родителей наследственно передаются детям. Думают, что нервность унаследуется только от родителей душевнобольных. Это неверно. Нервная неустойчивость унаследуется от родителей: душевнобольных, нервных, пьяниц,

сифилитиков, чахоточных, преступников, бездельников, страдающих продолжительными физическими болезнями, подагриков и проч.

Все эти деревья дают одни и те же плоды – нервную неустойчивость, которая в различных случаях имеет различную окраску, как в степени проявления, так и в сочетании болезненных проявлений.

Наблюдения опытных нейропатологов показали, что наследственность болезненных свойств нервной системы передается от родителей к детям не всем членам семейства в одинаковой степени. В одном и том же семействе мы можем встретить детей и душевнобольных, и эпилептиков, и галлюцинантов, и здоровых, и пьяниц, и преступников, и гениев и т. д. Почему на долю одного из них выпадает эпилепсия, на долю другого – необыкновенные художественные способности, а на долю третьего – пьянство, разврат, злодейство и проч. – трудно сказать.

Унаследуется от родителей детьми не та или другая болезнь, а болезненное состояние мозга, которое в одних случаях бывает выражено столь резко, что при вскрытиях дает видимые и явные изменения в мозгу, – в других случаях, напротив, эти изменения и неправильности могут быть только молекулярные и химические, при настоящих способах исследования неуловимые и неузнаваемые. Поэтому и унаследование нервных болезней бывает весьма разнообразно, начиная от идиотизма и тупоумия и кончая нервной неустойчивостью, нервной возбудимой слабостью и предрасположением к более серьезному заболеванию со стороны центральной нервной системы.

Не трудно распознать наследственную нервную болезнь, если она выражается в форме эпилепсии, истерии, предсердечной тоски и проч., – несравненно труднее определить и установить те случаи, где наследственная нервность проявляется в форме нервной неустойчивости и нервной раздражительной слабости. Такие люди столь часто у нас на глазах, эти люди в таком обилии нас окружают, что мы к ним присмотрелись, сжились и не считаем за больных. Только изредка они возбуждают в нас сомнение, недоумение, пожимание плечами, название «чудака» и «сумасброда» и т. п., а между тем сплошь и рядом эти люди нервные наследственники, люди с неуравновешенною нервною системой, нейрастеники, при неблагоприятных условиях жизни всегда могущие проявить любую нервную болезнь, как эпилепсию, истерию, душевное расстройство и т. д.

Этот тип нейрастеников весьма интересен, хотя проявления его разнообразны до бесконечности.

Часто уже с детства нейрастеники обнаруживают расстройства в нервной области. Это дети хилые, малокровные, капризные, склонные к частым судорогам. Такие дети по ночам часто просыпаются и плачут, – видят беспокойные сновидения, склонны к галлюцинациям при засыпании и просыпании, а также к кошмарам. Прорезывание зубов и переход на обыкновенную пищу им не обходятся безнаказанно.

Подрастая, они очень любят сказки, особенно на ночь. После прослушанных сказок они зарываются в одеяльце и долго не спят, воображая себя одним из действующих лиц этих сказок и продолжая ход сказки уже при помощи собственной фантазии. Скоро в них развивается страсть к мечтательности и фантазии. Они любят уединяться и предаваться фантазированию в области своих излюбленных картин. Общество детей им не нравится, – в большинстве они толкутся около взрослых. В характере таких детей замечается нервность, капризы, частые вспышки гнева, плача и радости от ничтожных причин. По ночам бывают частые просыпания, во сне подергивание мускулов и чувство падения в бездну.

При обучении они больше увлекаются предметами, в которых преобладает фантазия и память, чем рассудок, почему они больше любят историю, чем математику и другие точные науки. Больше предпочтения они отдают музыке, пению, живописи, чем предметам научным. При обучении у иных детей оказываются способности очень хорошие, они быстро усваивают заучиваемое и не тяготятся своими уроками, – хотя часто очень быстро и забывают усвоенное. Другие, напротив, обладают очень туповатыми способностями и им много труда и усилия требуется для усвоения уроков. Иногда при этом у детей можно замечать некоторые странности; так, *Краффт-Эбинг* передает об одном мальчике, что он, прежде чем начать свои уроки, всегда обращался к дворецкому с умоляющей просьбой ответить ему словом «да» на вопрос, в состоянии ли он приготовить свои уроки. Как скоро «да» получалось, он, спокойный и веселый, принимался за работу. Иногда дворецкий, пораженный нелепостью просьбы, решался сказать «нет»; тогда бедный ученик приходил в страшное возбуждение, бросался из угла в угол по комнате, стонал и решительно был не в силах усидеть на месте; в таких случаях дворецкий снова успокаивал его, говоря: «успокойся – ты вполне можешь приготовить свои уроки, – я пошутил только, сказав „нет“, – возбуждение стихало и в течение часа исчезало бесследно.

Часто такие дети, вместо классных занятий, предпочитают блуждать по полям, лесам и проч. в одиночку, предаваясь своим

излюбленным мечтаниям об Америке, лесах, шайках разбойников. Часто у таких лиц особенно развита наклонность к предчувствиям, предвидению, суеверию и символизации. Во многих случаях они смешивают плод своей фантазии с действительностью и придают ей действительное значение. Иногда же, при полном сознании, что это фантазия, они не хотят с нею расстаться и образы фантазии принимают за действительность. Особенно резко выражаются болезненные состояния в период появления менструации у девочек и полового созревания у мальчиков. В это время могут у них появляться иллюзии и галлюцинации, приступы страха, отчаяния, тоски и проч.

У таких детей иногда являются болезненные ощущения кожи головы, так что больно даже прикоснуться к волосам, болезненность десен и зубов, болезненность и даже невозможность дотронуться до позвоночника и проч. Иногда ощущаются стреляющие боли в конечностях, тяжесть и неловкость в членах при движении, – ощущения жара и холода в коже, ползанья мурашек, терпкость и одеревенелость, невралгии, болезненность и разбитость всего организма. Со стороны зрения иногда – очень сильное обострение, – другой раз, напротив, в глазах появляется туман, потемнение, искры в глазах, летающие мушки, – шум в ушах, звон, усиленная способность к восприятию обонятельных и вкусовых ощущений. У некоторых является особенная невыносливость к различным пахучим и вкусовым веществам; так, некоторые не в состоянии переносить запаха сигар, мускуса, валерианы, фиалок, малины, – вкуса сладкого и проч. С другой стороны, у таких лиц часто является непреодолимое влечение к некоторым вкусовым и пахучим веществам. Так, иногда бывает страстное желание зимою есть малину, причем неудовлетворение этого позыва влечет за собою недовольство, раздражительность, сварливость и волнение. Иногда подобные побуждения бывают самых нелепых свойств. Часто у больных появляются особенные ощущения в области головы: пустота, давление, стискивание, как клещами, торчанье гвоздя, царапанье, переливание чего-то жидкого, клеванье цыпленка, совпадающее с пульсовым биением, стук в голове, биение пульса, шум, как ветерок, совпадающий с пульсом и проч. Иногда являются сильные приступы головных болей, мигрени, прозональгии, головокружения и проч. Больные очень чувствительны к переменам погоды и при незначительных колебаниях атмосферного давления способны предсказывать изменения в погоде. Движения вообще порывисты и быстры, но рядом с этим существует быстрая же утомляемость, слабость и

неспособность к проявлению деятельности. По временам наступают приступы такой слабости, что больной неспособен ни к какому движению. Это состояние длится несколько минут, час или два и затем все проходит. Часто у больных замечается подергивание отдельных мускулов и органов, как во время сна, так и в бодрствующем состоянии, – иногда – спазм глотки, гортани, кишечника и проч. Часто замечают у таких больных, при крепком телосложении и здоровом виде, очень тихий голос. К трудным и тяжелым работам такие люди почти неспособны. Взявшись за что-нибудь, они сначала работают с жаром, но затем чувствуют разбитость, усталость и неспособность к продолжению. В *умственном отношении* у нейрастеников часто наблюдается нарушение внимания. В иных случаях они бывают слишком отзывчивы на всякое малейшее раздражение, но бывают случаи и такие, что больные, при самом искреннем желании, при сознании крайней необходимости сосредоточить свое внимание на том или другом деле, решительно не в состоянии это сделать. Они ясно сознают, как их мысли уклоняются в другую сторону, и они ничего не могут поделать с собою. Последствие – раздражительность и недовольство. Часто эти люди не могут долго заниматься усидчивым умственным трудом, так как последний вызывает усталость и неспособность к занятию. Иногда на больных находит как бы какое умственное затмение: двадцать раз они читают одно и то же место и не могут уяснить себе, что все это значит. Бросают. Проходит несколько часов, день – и они вдруг ясно уразумевают то, чего они не могли понять; теперь выяснилось само собою, без всякого напряжения, то, чего они не в состоянии были уяснить при крайнем напряжении. Нейрастеники очень легко подчиняются чужому мнению: утром они подчиняются одному, вечером другому, совершенно противоположному мнению. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнения у них нет и они постоянно у кого-нибудь под башмаком. Но рядом с этим у нейрастеников проявляются отдельные мысли и поступки, выходящие из ряда обыкновенного. Больные эти мало склонны к строгому мыслительному процессу, – они с большим наслаждением и большим удовольствием живут образами чувств, мечтаний и фантазий. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность к умственному труду и несвежесть головы.

Самочувствие нейрастеников очень изменчиво: то они веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бывают раздражительны, недовольны и сварливы без всякого видимого повода. Иногда на них нападают приступы страха,

тоски, отчаяния и безотчетного недовольства.

Глава II

Таковы явления у прирожденных нейрастеников или у людей, унаследовавших от своих больных родителей неустойчивую нервную систему. Кроме вышеуказанных болезненных явлений, у нейрастеников развивается масса других и нет почти ни одного болезненного явления в области нервной системы, которое не могло бы проявиться у того или другого нейрастеника. И это весьма естественно. Нейрастения представляет собой неустойчивость отправлений всей нервной системы, с преобладанием в одном случае одних явлений, а в другом – других; поэтому нет ничего удивительного, что нейрастения представляет собою собрание всех болезненных явлений и нейропатологии.

Не нужно, однако, думать, что каждый нейрастеник воплощает в себе все вышеуказанные признаки; напротив, ни у одного из нейрастеников они не являются целиком, а только по частям в различных между собою сочетаниях, – вот почему каждый случай нейрастении довольно резко, по сочетанию болезненных проявлений, отличается от других подобных.

Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех случаев нейрастении, между ними можно резко выделить две группы: в одной преобладает особенно умственная неустойчивость, а во второй – уклонения и болезненные проявления в области влечений, побуждений и чувства.

На первый взгляд нейрастеники первой группы представляются необыкновенно умными и всесторонне образованными людьми. Умственные их силы и способности чрезвычайно блестящи.

Они весьма чутки ко всем происходящим вокруг них явлениям. Жадно на все накидываются, быстро усваивают и энергично воплощают в себе. Ко всему они проявляют интерес, всем они быстро овладевают и во всем высказывают знание, опытность и компетентность. Такая всеобъемлемость и широта сведений невольно порождает мысль о необыкновенности и гениальности их умственных способностей. Их жизнь необыкновенно деятельна, их умственная работа чрезвычайно разнообразна и плодовита.

Но, строго разбирая умственную деятельность этих лиц, мы невольно поражаемся ее крайней поверхностностью. Эти люди быстро увлекаются чужими сообщениями и планами, без всякого контроля и критики их усваивают, принимают их за свои собственные им присущие, в тот же миг осуществляют эти планы

и при малейшем затруднении покидают их. Быстрое увлечение и горячность в различных делах таких людей сопровождается не менее быстрым охлаждением и забвением предпринимаемого им дела. В силу такого легкомыслия, непостоянства, неспособности сосредоточиться и установиться на одном деле, они постоянно перескакивают от дела к делу, от предприятия к предприятию, от предмета к предмету. У них существует какая-то потребность к новизне и какой-то зуд перемены. Они только и могут существовать при таком порханьи и собирании не только верхушек, но даже крох от этих верхушек. При этом особенно поразительна полная бессвязность и отчужденность в предприятиях. Так, они от университета переходят к кузнице, от кузницы к производству кружев, от производства кружев к семинарии и проповеди, от проповеди к жандармерии, от жандармерии к производству селитры, от производства селитры к путешествию в Ахалтеке и проч. Такая разносторонность, всеобъемлемость, всезнание и одинаковое увлечение всеми этими предметами ярко выдает духовную немощность человека. Это будет в полном смысле слова импотенция ума, ибо эти люди, схватываясь за все, не доводят до конца ничего и своим вмешательством губят всякое начатое дело и предприятие. Если бы они могли исполнить все, предпринимаемое ими, то они были бы титанами ума и гениями мысли. К сожалению, всякое предприятие их быстро им надоедает, они с удовольствием его бросают и накидываются на новое, с большою неохотою и неприязнью оглядываясь на старое.

Разумеется, это болезненное состояние выражается тем ярче и тем шире, чем шире и мощнее деятельность человека и чем больше власти находится в его руках.

Для лучшей окраски этой болезненной картины и для отличия ее от гениальности, мы приведем два фантастических примера из мира властелинов народов.

Первый унаследовал могущественное и воинственное государство. Его дед и отец рядом победных войн доставили государству новые земли, несметные богатства, благосостояние стране, подчинение и боязнь соседей, могущественную и непобедимую армию, гениальных администраторов и полководцев, великих ученых и славные учреждения. Во главе этой мощи, славы и величия является он, молодой, энергичный, образованный, крепкий и сильный государь. При этой юной мощи, энергии и завидном положении подвластного ему народа, у всех соседей является опасливая мысль – ему мало всего этого. Он захочет попытать нового счастья, новой военной славы, новых земель, новых богатств… И он принимается за это. Принимается

за это с храброй душой и неукротимой энергией… На пути, однако, стоят преграды… Эти преграды представляются в виде советников, старых сослуживцев его отца и деда, людей, закаленных в военной борьбе и устроении государства, – людей, покрытых гражданскими и воинскими доблестями, людей, чтимых не только гражданами отечества и тенью предков, но и соседними народами… Препятствие немалое.

Но что значит препятствие для человека энергии, пылкости и неутомимости!.. Старые советники летят в отставку. Выводятся люди новые, угодные повелителю. Происходит необыкновенная перетасовка лиц, должностей, ролей и положений. Начинается новый курс. Всюду властелин наблюдает неустройство, всюду неуспешность, всюду беспорядочность. И всюду энергичный и молодой повелитель стремится быть лично и исправить все лично. Он сочиняет новые законы. Он создает новое устройство армии. Он является архипастырем и проповедником, как «глас Божий на водах». Он составляет оперы. Он пишет балеты. Он переделывает школы. Он создает правила для рабочих. Он изменяет систему воспитания. Он летает по всему миру с дипломатическими переговорами. Он ревизует внезапно части армии и учреждения. Он так неусыпно, разносторонне и повсеместно занят, что в доме-то своем является самым редким гостем.

При такой мощи и всеобъемлемости ума, неутомимости энергии и личном участии во всем, можно думать, что он создаст всемирное государство, мир и золотой век.

Но повелитель не любит долго возиться с затеянными делами. Он удалил старых советников, но не заменил их новыми равными и достойными. Он расшатал учреждения старые, но не создал и не укрепил новых. Он подорвал старые законы, но не дал новых. Он уничтожил доверие к старой системе воспитания подданных, но не дал новой. Он пообещал изменение условий жизни рабочих, но не исполнил этого, Он на словах был велик, на деле же мал. Ибо у него не было выдержки, терпения, знания, умения, воли и понимания.

Такой повелитель нейрастеник не создаст государство, а разрушит его, – не укрепит, а расшатает, – не возвысит, а умалит, – не упорядочит, а взбаламутит.

Мы возьмем другого повелителя, столь же широко деятельного и широковластного.

Его область еще больше и обширнее. По наследству, однако, он получил неустройство и беспорядок. Во всех соседних государствах и более благоустройства, и более воспитания, и более порядка, и более богатства и более сформированные армии.

В его государстве нет ни советников, ни людей образованных и ученых, ни опытных мастеров, ни заводов, ни фабрик, ни флота, ни торговли, – ничего такого, что ныне составляет цивилизацию и европеизм. Самый-то престол он захватил едва ли не с бою. Молодой орленок своим мощным умом усматривает, что его государство будет стерто и уничтожено, если он в нем не учредит тех знаний и образования, какие укоренились уже у соседей.

И вот этот мощный юноша, с столь же неутомимой энергией и непосидячестью, летает по всему свету с севера на юг и с востока на запад. Он лично все осматривает, он лично все изучает, он лично все заводит и устраивает. Он устраивает армию, он строит флот, он издает законы, он устраивает академию наук, он открывает типографию, он заводит фабрики и заводы, он вводит даже новый костюм для народа, он изменяет внешний вид людей, он производит реформы в церковной области, он ведет беспрерывные войны, он расширяет пределы отечества, он изменяет всю жизнь его, он делает из своего азиатского царства царство европейское и заставляет силою своей умственной мощи питать к себе уважение и почтение. И этот мощный лев шел не в уровень с требованиями и убеждениями своего народа, а против них. Он не продолжал путь славы и воинских преданий своей отчизны, а сам создавал и выполнял их. Он не имел поддержки своим мыслям и планам в окружающих старых и опытных помощниках, а лично выбирал и ставил себе помощников. Он не писал балетов и комедий, а заводил только театры. Он не изменял системы школьного воспитания, а заводил только школы.

И этот государь создал все.

В чем же разница лежит между первым и вторым?

В том, что первый быстро увлекался всеми предприятиями и столь же быстро с брезгливостью их бросал; а второй, начавши сам что-либо, все сам же доводил до конца с отеческою любовью к своему созданию и детищу. Первый не имел своей мысли, он схватывал чужую, мимолетно ее усваивал и столь же легкомысленно покидал; второй имел свою мысль, тщательно ее обдумывал и никогда не покидал. Первый, по своей умственной немощи, не мог жить всеми своими мыслями одновременно и перескакивал от мысли к мысли; второй все вмещал в своей голове, все приводил в связь и порядок и всему давал известное соотношение. Первый накидывался на внешность мысли, не погружаясь в ее глубину, – второй всегда изучал ее по существу. Первый никогда не знал дела в его частностях, – второй всегда изучал дело до мелочей и всегда мог быть во всем лично учителем от начала до конца.

Первый был умственный пигмей, – умственный нейрастеник, – второй умственный титан, – гений. Первый – сердитое бессилие, второй – мощь и сила…

Во второй группе нейрастении умственно люди представляются как бы здоровыми, зато в их характере, действиях и поступках усматривается масса неправильностей, отклонений и таких проявлений, в которых и сами больные раскаиваются и общество привлекает их к ответственности. Такие люди обнаруживают в одних случаях необыкновенную вспыльчивость, злость, кровожадность и склонность к истязаниям, в других случаях – страсть к пьянству, злоупотреблению морфием, опием и проч., еще в иных – страсть к картежной игре и собиранию ненужных предметов, еще иногда – стремление к дурному обществу, попрошайничеству, бродяжничеству, тяготению к тому же самому полу и даже половое влечение к животным. В некоторых случаях на таких людей нападают приступы беспричинного страха и тоски, – в других, напротив, бесповодного безумного веселья. Иногда они находятся в состоянии какого-то томления, возбуждения и ожидания, что вот-вот что-то с ними случится. И знают они хорошо, что ничего с ними не случится, а между тем ожидают его, – и случится именно что-то ужасное…

Помимо этого может быть масса и других явлений, так что перечислить их едва ли возможно. Обо всех этих вышеуказанных проявлениях болезни должно заметить следующее: никогда эти явления не бывают совместно у одного и того же человека. Только из наблюдения многих нейрастеников можно собрать и составить эту картину болезни. В действительности же у нейрастеников развивается одно какое-нибудь или несколько болезненных явлений, которые впоследствии могут смениться другими.

Явившись раз, тот или другой признак остается недолго, иногда несколько минут или часов, и затем исчезает, оставляя человека в здоровом состоянии, с тем, однако, чтобы на другой день, или через некоторое время, при неблагоприятных условиях жизни, появиться вновь.

Таким образом и в данном случае усматривается неустойчивость нервной деятельности, болезненные проявления страха, тоски, томления, ожидания, влечений и страсти при полном сознании их нелепости, болезненности, вредности и опасности и при полной неспособности им противостоять.

Как нейрастения, проявляющаяся преимущественно в области мыслительной, так и нейрастения самочувствия и страстей иногда могут сочетаться между собою частичными своими проявлениями и давать смешанную картину болезни.

Судьба нейрастении для различных случаев неодинакова: при благоприятных жизненных условиях и надлежащем лечении она может проходить и исчезать бесследно, или временно, – в других случаях, она может оставаться пожизненно, давая то более, то менее продолжительные светлые промежутки, – наконец, при неблагоприятных случаях она может иметь поступательное движение вглубь нервных и душевных заболеваний. Нейрастения служит прекраснейшею почвою для развития болезней нервной системы, удачнейшей канвой, на которой могут быть начертаны узоры и картины всевозможных заболеваний. На почве нейрастении может явиться эпилепсия или падучая болезнь, истерия, пляска св. Витта, всевозможные насильственные приступы страха и тоски и душевные заболевания.

Из душевных болезней на этой почве чаще других развивается *первичное помешательство,* или паранойя. В данном случае она нас наиболее интересует и потому мы постараемся проследить механизм ее возникновения из нейрастении и до полного ее развития в форме бреда преследования.

Что такое первичное помешательство или паранойя, об этом нами было подробно сказано в другом сообщении и останавливаться на этом вопросе теперь я считаю излишним.

Способы возникновения и развития паранойи на нейрастенической почве бывают очень разнообразны, – мы остановимся на наиболее частом из них. На почве нервной раздражительной слабости и нервной неуравновешенности, под влиянием каких-нибудь неблагоприятных жизненных условий, у больного развивается усиленное беспокойство, волнение, недовольство и усиленное ожидание, что с ним что-то случится и т. п. Больной ищет причины своего беспокойства. Ему кажется, что все окружающие лица относятся к нему как-то не так, как это было прежде. Всюду к нему замечается особенное внимание, особенное присматривание, особенная наблюдательность. Ни один его шаг, ни одно его движение, ни одно его препятствие не обходятся без того, чтобы окружающие не отнеслись к нему с особенною предупредительностью. Самые мысли его окружающими как бы угадываются и предусматриваются. Такое чрезмерное внимание со стороны окружающих не может не навести больного на размышление…

В действительности, разумеется, нет ничего подобного. Все относятся к нему и сегодня точно так же, как и вчера, но у больного существует особенное повышение восприятия внешних впечатлений, отражающееся на мысли об усилении внимания со стороны окружающих к его личности. Такое ошибочное и до некоторой степени даже ложное ощущение наблюдательности и

представление о наблюдательности со стороны окружающих по отношению к начинающемуся параноику находит себе первообраз в явлениях обыденной жизни. Вчера мы были в поношенном сюртуке, сегодня в новом. Никто, разумеется, не обратил внимания на эту перемену; но нам кажется, что «я» стал как бы иным человеком, и все эту перемену замечают и все на нее отзываются вниманием и наблюдательностью. Так же бывает, когда мы подстригли волосы, надели новые ботинки, – когда у дамы на шляпке цветок перенесен слева направо, а бантик на три линии выше или ниже… Это явление обычное и всем хорошо знакомое. Оно-то и может служить нам примером и разъяснением того болезненного состояния, которое у параноиков выражается в форме усиленной наблюдательности к ним со стороны окружающих…

Итак, они подлежат особенному вниманию, особенной наблюдательности со стороны окружающих. Почему? Что тому причиною? Ответа на эти вопросы пока нет. Но это заставляет больных с своей стороны усилить внимание ко всему происходящему вокруг них. И вот они становятся ко всему в высшей степени подозрительными.

Будучи скрытными, замкнутыми, сосредоточенными в себе, параноики издали, незаметно для других, зорко наблюдают за всем и за всеми. И, к своему ужасу, они видят, что все вокруг них делается неспроста. Все их окружающее не в том виде, как это было прежде. Все это как-то изменено. Все делается не так, как было до сих пор. Разумеется, на деле изменилась не обстановка, а их способность восприятия, но они приписывают перемену окружающему и стараются отыскать ее причину. Подозрительность усиливается и наполняет все их существо. Больной постоянно ко всему приглядывается, больной вечно настороже…

Такая необыкновенная, болезненная подозрительность порождает в больных новое состояние – склонность все совершающееся относить к себе. Идет он по улице. Проходящий плюнул. Этот плевок служит выражением желания оскорбить его. У проходящих он слышит слова «он не надежен»…

– Это я не надежен… Почему?… Что я сделал?… В чем не надежен?…

И вот является целый ряд мучительных вопросов: почему и как?

Больной читает газету. Пишут о неотложной необходимости извести сусликов, опустошающих поля Екатеринославской губернии.

– Ну да, суслики… При чем тут суслики… Это «они» хотят

извести меня?… Я ведь Екатеринославской губернии…

Всякий кашель, всякое движение окружающих, встреча и т. д. истолковываются в смысле отношения к их личности. У таких больных, как говорят, развивается необыкновенный «эгоцентризм», т. е. такое душевное состояние, когда им кажется, что их «я» стало центром всего мира.

Но все это состояния подготовительные. Они могут быть или не быть. Если они и существуют, то в глубине души больного и для окружающих решительно незаметны. Только весьма опытный глаз врача психиатра может уловить их и путем весьма осторожных и отдаленных вопросов отчасти извлечь.

Для больных же эти состояния в высочайшей степени тягостны и мучительны. Они им не дают покоя ни днем ни ночью. Они их лишают сна. Они разрушают их душевный покой, разбивая отношения к самым близким и дорогим лицам: друзьям, родным, родителям, жене и детям…

К этому присоединяются иллюзии или ошибочные ощущения. Больные видят на лицах близких подозрительность, насмешку, презрение, порицание. В их голосе слышится оттенок недовольства, издевательства и проч. В пожатии руки они наблюдают особенную резкость и стремление оттолкнуть. Самый воздух носит в себе что-то особенное, подозрительное и неприятное.

Все это заставляет больных вести себя весьма осторожно, удаляться от греха и быть сосредоточенными в себе. Бесконечное оскорбление и обида порождается в их душе… За что такая травля? За что такое всеобщее над ним издевательство? Где ему искать помощи, поддержки, защиты и покровительства? Все против него. Все его враги. Все ему желают зла. Все его хотят извести. Беспредельная злоба и безграничная ненависть порождается у этих людей ко всем людям, особенно же к людям близким и прежде дорогим. Их несчастья для него приятны. Их страдания для него утешение. Их мучения для него живительный бальзам. Нет того зла, которого бы он не пожелал роду человеческому. Нет той лютости, на которую он не осудил бы весь люд. Нет той казни для людей, которая бы его удовлетворила.

Ибо это враги его. Все они его терзают. Все они его мучают. Все они желают извести его. Все это он видит. Все это он слышит. Все это он чувствует. Бред преследования в полном разгаре.

По временам он затихает. Порождаются мысли – да правда ли это? Не ошибаюсь ли я? Не даром ли я взвожу обвинения? И вот иногда могут явиться минуты недоумения, сомнения и раскаяния… Но, увы, эти минуты непродолжительны. Вновь

приливает волна гнева, ненависти к роду человеческому и желания ему всех зол земных. Если бы такой человек мог залить землю кровью своих врагов, то высочайшим наслаждением для него было бы выкупаться и купаться бесконечно в этой крови. Эта кровожадность, зверство и изуверство – явление логическое, оно является естественным последствием тех страданий и мучений, которые такие люди переживают в своем бреде преследования.

При этом по существу своему такие люди могут быть или злыми, бессердечными и кровожадными людьми, – или же обыкновенными смертными, относящимися к кровожадности с обычным омерзением. В последнем случае кровожадные мысли находят себе сопротивление в общей природе человека, чуждой жестокости и кровожадности, – в первом случае жестокие мысли находят себе поддержку в жестокой натуре человека и тогда преступления таких людей отличаются необыкновенным зверством и жестокостью. Но каково бы ни было сочетание жестоких идей и стремлений кровожадности у параноика, он никогда не рискнет совершить эти зверства зря, ибо он знает хорошо, что за это последует жестокая кара.

Таков параноик в своем бреде преследования. Это зверь. Зверь беспощадный. Зверь кровожадный, готовый растерзать весь мир.

Но в этом человеке существует и другой человек, человек обычный, человек здоровый, живущий обычною жизнью и совершающий обычные человеческие деяния.

Глава III

Паранойя или первичное помешательство, некоторыми называется еще ограниченным, или однопредметным, помешательством (monomania), и это название дается данной болезни не без основания. Эта болезнь представляет чрезвычайно странное и причудливое раздвоение сознания человека. Параноик, в отношении сведений об обыденной жизни, ничем не отличается от обычного человека, он имеет те же знания, в точности выполняет их как все люди, вполне правильно и сознательно воспринимает и переживает текущую жизнь и в то же время в область этой здоровой обычной жизни врывается его бред преследования. Таким образом, параноик живет двойственной жизнью: с одной стороны, у него обычное мировоззрение и сознание, с другой стороны, его личный бредовый мир. Первым он живет со всеми людьми, – вторым с самим собою.

И долгое время эти два душевных мира совмещаются в параноике незаметно для окружающих. Больной проявляет ряд странностей, представляется несколько иным, чем все люди, приобретает кличку «чудака», но вместе с тем из него выходит дельный, расторопный и исправный чиновник, или учитель, или инженер, или любой общественный деятель. Долгие годы он может занимать общественные должности, быть гражданином не хуже других и удовлетворительным семьянином.

Бред преследования параноика существует в больном непрерывно; но его течение или прохождение совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабевая. В период ослабления бредовых идей параноик покоен, тих, исполнителен, более или менее общителен и легко подчиняется требованиям общественной жизни; в период ожесточения бредовых идей параноик выходит из своей тихой жизни и пытается проявить в жизни тяготеющее над ним влияние своих бредовых идей. Если бы мы представили себе человека с общественным положением неограниченным, если бы это был человек с неограниченным правом и беспредельною свободою действия, то, под влиянием бредовых идей преследования, такой человек быстро одержит верх над сознанием обычной здоровой жизни, и в момент ожесточения бредовых идей явится разрушителем мира. Он будет воплощением духа зла и истребителем всего того, что создано Богом. Он подверг бы смерти все живое, доступное его влиянию, и упивался бы кровью, льющеюся вокруг него из его врагов…

Но мы живем при других условиях. Наше сознание слишком сдерживает наши мысли, влечения, побуждения и желания. Мы

живем под законом. И вот у параноика, в момент ожесточения болезни, является необыкновенная борьба между тяготением бредовых идей и сознанием закона, долга и требований жизни. Пока обычное сознание берет перевес над бредовыми идеями, над болезненным сознанием, до тех пор параноик – человек со странностями и терпим в обществе. Бред берет перевес над обычным сознанием – параноик преступает пределы, положенные требованием обыденной жизни и законом, и становится преступником. Его место – сумасшедший дом…

Но такое состояние длится 5-10 дней, много 2–3 месяца, и параноик опять покоен. Его бредовые идеи утихли. Их тяготение ослабло. Обычное сознание берет перевес. Человек возвращается к обыденной жизни. Он исполняет исправно свои обязанности, поддерживает отношения, бывает (хотя изредка) в обществе, читает книги, даже нередко пишет и печатает сочинения и в своей жизни по внешности мало чем отличается от обыкновенных людей.

Такой светлый промежуток длится 3–8 месяцев. Наступает новое ожесточение болезни. В эти новые приступы болезненное сознание берет все больший и больший перевес пред обычным сознанием, пока обычное сознание не станет соподчиненным болезненному.

Разумеется, борьба этих двух жизней длится годы и десятки лет. Умственные силы и энергия человека падают. Он постепенно теряет свой резкий характерный облик и мало-помалу опускается к слабоумию.

Итак, нам жизнь дает такие случаи душевного состояния, когда человек, в одно и то же время, может быть и умным и сумасшедшим, и деловым человеком и душевнобольным, и исполнительным общественным деятелем и преступником. Это бывает в тех случаях, когда человек живет двойственной жизнью сознания, или когда в его обычном сознании внедряется частичное поражение в виде однопредметного помешательства. Такие случаи в жизни нередки и мономаниаков можно находить во всех жизненных положениях, от кирки работника и до царского жезла.

Для людей, незнакомых с этим болезненным душевным состоянием, мономаниаки представляют собою неразгаданность, – для психиатрии же – это обычное явление.

Однако для полноты картины умственного бытия параноика мы должны сделать кое-какие дополнения.

Будучи замкнутым и сосредоточенным в себе, параноик обладает необыкновенно богатою фантазиею. И замкнутость и фантазия являются у него развитыми болезненно и заставляют

больного жить преимущественно в этой области. Устраняясь от людей и замыкаясь в самих себе, больные покидают представления действительной жизни и тяготятся строгим мышлением на основании обычных представлений и понятий. Они с величайшим удовольствием погружаются в картины фантазии и воображения, целыми часами строят воздушные замки, создают целые истории, пропускают пред собою фантасмагории самого причудливого характера, причем во всем этом главным героем, центром всего фантастического происшествия служат они сами, а около них их враги. Здесь-то они своими глазами видят все козни врагов, слышат все их заговоры, хулы, порицания и злодейства, принимают меры предупреждения и пресечения преступления, побивают, уничтожают и истязают лютыми казнями своих врагов и видят в мире только себя и все только для себя.

Вторая особенность параноиков та, что нередко они неспособны бывают отделить пережитого в картинах фантазии от действительного и образам воображения приписывают предположение, что все это так было и на деле. Этим дается основа для составления ошибочных и ложных представлений и понятий, а равно и для бессмысленных действий и поступков.

На основании столь сильно развитых фантазии и воображения, мы видим, что параноики в делах обыденной жизни неспособны бывают к строгому и глубокому мышлению и продолжительному сосредоточию внимания на одном и том же предмете. Они могут быть находчивы, даже остроумны, и, на вид, как бы с солидным образованием, – но все это у них слишком легковесно и поверхностно. Их знания могут быть обильными, но без уменья применить на деле. Параноики очень чутки ко всему происходящему вокруг них, но при этом они не могут проникнуть в сущность дела, а живут мыслями других, – за исключением своего бреда. Иногда понимание окружающих событий принимает неправильную, ошибочную и ложную окраску, так как они нередко на все окружающее смотрят не действительными глазами, а сквозь очки своей фантазии и воображения.

Такая неустойчивость ума параноика, его легковесность и неспособность сосредоточия на одном и том же предмете легко объясняются основным качеством неврастеника – быстро на все накидываться и еще быстрее все покидать, вследствие быстрого истощения запаса сил и энергии.

Кроме того, мы не должны забывать, что такой человек живет двойственным сознанием, причем в то время, когда он сам с собою, он живет болезненным сознанием, оставляя в стороне и бездеятельности здоровое сознание, а так как параноик сам с

собою большую часть времени, то уже в силу этого здоровая умственная сознательная деятельность должна стоять ниже нормы.

Если в умственном отношении параноик представляет человека неустойчивого и больного, то в нравственном отношении параноики еще более отделяются от здоровых людей и представляют резкие болезненные отклонения.

Уже в силу болезненного логического мышления, параноик в мире является одиноким, так как все остальные люди – его враги. Отсюда весьма естественно, что он живет не только *в себе,* но и исключительно *для себя.*

Первое, что заметно у первично-помешанных, это крайний эгоизм и себялюбие. Они знают только себя и заботятся только о себе. Общество, человечество, интересы ближнего, даже интересы семьи для них не существуют. Следовательно, при этом в основе подрывается идея общественности и идея любви к ближнему. Первично-помешанные держат себя совершенно замкнуто и обособленно, – самый бред преследования очень характерен для таких случаев, он вполне согласуется с их одиночеством и с их подозрительностью. Нередко эти больные – крайне жестоки и требовательны по отношению к своим родным. Любовь к родителям это для них если не пустой звук, то законный повод к предъявлению всевозможных подчас совершенно нелепых требований. Не лучшее отношение и к братьям и сестрам. Почти всегда первыми врагами и преследователями больных в их бреде преследования являются братья и сестры. Опять знаменательное сочетание болезненного бреда с болезненно-нравственными отношениями. Очень часто под влиянием бредовых идей братья и сестры становятся первыми жертвами преступления этих несчастных, – и даже во время затишья бредовых идей эти больные очень далеки от братской и дружеской любви. Но особенно несчастными являются в семействе таких больных жена и дети. Жена – это полная раба, дети – это какие-то щенки, служащие лишней семейной обузой. Вот отношения таких больных к людям самым близким и самым дорогим. Здесь нарушаются нравственные черты, не только присущие человеку, но даже многим высшим животным.

Параноик не имеет друзей, он не имеет близких людей. Все служат для него, он ни для кого.

Это есть первое нарушение общественных условий существования человека.

Это сухие жестокие себялюбцы, задумывающие все сделать для себя.

Словом, это какие-то отщепенцы из общества, это какие-то

одиночки, живущие вне общества, сами в себе. Это лица, не понимающие, что такое общество, тяготящиеся обществом и избегающие его.

Такое положение одиночек человеческого рода вполне противоречит общепринятому положению, что человек есть общественное существо, т. е. живущее общественно, не могущее жить без общества и живущее для общества. Они совершенно не подходят под это положение.

Рассматривая жизнь животных, стоящих ниже человека, особенно живущих стадами, нам нередко приходится встречаться с такими явлениями, что и среди этих обществ встречаются особи, которые точно так же живут одиноко, чуждаются общества себе подобных и преследуют свои личные интересы. Это явление представляется немало интересным и может служить большим подспорьем для изучения подобного же проявления в человеческом роде. К сожалению, в биологической литературе оно мало разработано еще и нам приходится ограничиваться отдельными только данными. *Брем* говорит, что в семействе слонов существуют отщепенцы, живущие одиноко, вне семьи, – они даже носят особое название – гундасы и рогесы, смотря по тому, будут ли они относительно доброго нрава или злы. Точно так же и в семействе свиней существуют кабаны-отшельники, которые проводят жизнь одиноко. В других семействах можно найти также таких одиночек, так даже между рыбами находятся таковые (И. О. Фесенко). Я. *Тарлецкий,* занимавшийся довольно усердно изучением жизни рыб, о таких одиночках делает предположение, что эти «блуждающие рыбы» принадлежат или «к рыбам чем-либо или кем-либо обеспокоенным, или больным».

Но помимо отсутствия этих положительных свойств, присущих каждому животному, живущему общественною жизнью, у первично-помешанных являются отрицательные свойства: злость, ненависть к обществу и животный эгоизм.

Обыкновенно мы привыкли думать, что проявление злости и зверства есть явление аффективное, явление, находящееся в противоречии с здравым рассудком. В данном случае злость и зверство являются основною чертою характера, проявляющеюся нередко с детства и до старости. Будучи детьми, они любят мучить животных, вырывать птенцов из гнезда и раздирать их, – мучить котят, щенков, поросят и пр. Вырастая далее, они нередко производят подобные опыты и на младших членах семьи, или чужих детях, – женившись – производят опыты на женах, имея детей – на собственных детях. Бессердечие, холодность и рассчитанность (нередко самая нелепая) – основная черта их характера. Редко можно видеть среди первично-помешанных

человека сердечным, человеколюбивым, искренно проникнутым любовью к ближнему и отечеству, а также идеями чести и справедливости. Во всех поступках параноиков скользит подозрительность, осторожность, недоверие, скрытность и жестокость.

Скрытность составляет довольно характерную черту первично-помешанных. Когда психиатр в отделении душевнобольных встречает больного, совершенно отрицающего свою болезнь и довольно логически объясняющего поступление недоразумением или случайностью, первое подозрение у него является относительно первичного помешательства. В этих случаях искусно поведенный опрос иногда открывает сущность дела; но другой раз все усилия врача добиться истины остаются совершенно напрасными.

Жестокость этих людей превышает наше обычное понимание о жестокости. Параноики нередко жестоки по существу. Они живут своей жестокостью. Они продолжительно придумывают планы и способы проявления для своей жестокости. Они упиваются своей жестокостью и испытывают минуты наслаждения при выполнении оной. Эта жестокость нередко соединена с жаждою крови. Кровь стоит в их воображении. Кровь носится пред их глазами. Крови жаждут они для отмщения. Кровь, кровь и кровь в их душе. Они желали бы жить кровью и тогда были бы на верху блаженства. Разумеется, и это проявление жестокости и кровожадности у параноиков проявляется приступами ожесточения и ослабления.

Рядом, однако, с этой жестокостью и кровожадностью у параноиков возможно бывает подметить большую хитрость, осторожность, коварство и даже трусость, что, однако, не мешает им готовить планы мести и вести каверзы и злодеяния.

Нередко параноики разнузданны в своих страстях и влечениях, причем, по общему согласию со всем остальным, и здесь они являются своеобразными и отщепенцами. Особенно интересна их половая жизнь.

Часто параноики живут в половом отношении анахоретами и являются импотентами; но бывают случаи проявления у них грязной и неудержимой страсти. При этом их естественные потребности смешиваются с картинами болезненной фантазии и приводят к разнузданному, неестественному и противоестественному удовлетворению.

Иногда у таких больных является ненависть и омерзение к противному полу, особенно у мужчин к женщинам, и влечение к одноименному полу с стремлением к удовлетворению своей страсти. Иногда у этих лиц наблюдается побуждение к

удовлетворению себя с животными и проч.

Вообще и в этом отношении параноики представляют собою существа, имеющие только образ или внешность человеческую, хотя и в этом отношении у них наблюдаются нередко отклонения, в остальном же они являются отщепенцами и выродками рода человеческого, могущими временами быть весьма опасными для сего последнего.

Этот человек в большинстве остается одиноким или если и вступает в брак, то его потомство обречено на вымирание, потому как в первом, так и во втором случае произойдет вырождение в полном смысле слова.

Это один из путей к вырождению рода человеческого, но не единственный.

Часть вторая

Приступая к описанию личности какого-нибудь нервно– или душевнобольного, мы обязательно должны обратить внимание на его предков, дабы тем самым выяснить вопрос: что это были за люди и какое физическое и психическое достояние они передали своим детям? С этой точки зрения мы считаем необходимым коснуться душевных качеств предков Иоанна даже до четвертого поколения.

Знаменитый наш историк Н. И. Костомаров так характеризует прадеда Иоанна Грозного, Великого Князя Василия Васильевича: это был человек «ограниченных дарований, слабого ума и слабой воли, но вместе с тем способный на всякие злодеяния и вероломства». Впоследствии, ослепленный Димитрием Шемякой, Василий Васильевич «все остальное время правления отличается твердостью, умом и решительностью. Очевидно, что *именем слепого Князя управляли умные и деятельные люди»*.

Дед Иоанна Грозного, Великий Князь Иоанн Васильевич, отличался совершенно обратными душевными качествами, сравнительно с Василием Темным. Это был человек «крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный; во всех действиях видна постепенность, даже медлительность; он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами; он никогда не увлекался, зато поступал решительно, когда видел, что дело созрело до того, что успех несомненен» (Н. И. Костомаров, стр. 255).

С возрастанием Иоанн III отличался жестокостью и бессердечием в обращении с своими подданными. Тюрьмы наполнялись; битье кнутом и торговая позорная казнь стали обычным явлением. Людей судили теперь «с пристрастием» и этот суд сопровождался страшными пытками…

Иоанн Васильевич III женится на греческой царевне Софии Палеолог и через это в дом Рюриковичей вносится кровь Палеологов. Бабка Иоанна Грозного отличалась умом, энергией, хитростью и силой воли. Но несмотря на очень устойчивые личные качества, Софья Палеолог вносит с собою в дом Рюриковичей кровные недостатки Палеологов.

Василий Иоаннович, отец Иоанна Грозного, своим умом далеко отставал от своего отца. Это был человек самонадеянный, гордый, немилостивый и жестокий. Он не терпел ни малейшего противоречия и все были перед ним полными рабами. В

отношениях к людям он был очень неустойчив: будучи, по-видимому, расположен и милостив к подданному, он неожиданно поражал его опалою, когда тот и не чаял этого; и, наоборот, иногда подвергши опале раба, вдруг милостиво прощал ему.

Василий Иоаннович был женат на Соломонии Сабуровой и в этом супружестве прожил 28 лет, не имея детей. Поэтому Василий расторг брак, Соломонию посадил в монастырь и вновь женился на Елене Глинской, будучи 48 лет, в то время как его жена была слишком молодая девушка. От этого брака, спустя четыре с половиною года, и родился первенец Иоанн Грозный. Елена Глинская была личность большого ума и широкого образования, – но историки дают далеко не лестные отзывы о ее характере и нравах. Княгиня Елена страдала болью половины головы и ухом.

Василий Иоаннович умер от какого-то подкожного нарыва на ноге. Князь испытывал от этого страшные мучения: рана воспалилась и издавала страшный смрад. К этому присоединились заботы и тоска о будущности малолетнего князя-наследника и семьи. Перед смертью у него отняло язык и правую руку (Арцыбашев).

Итак, Иоанн Грозный – сын 52-летнего отца и молодой еще матери. Это обстоятельство не лишено некоторого интереса с точки зрения учения о нервных заболеваниях.

Установлен факт, что престарелый возраст родителей отражается на устойчивости организма детей. Чем крепче родители, тем крепче, сильнее и мощнее и организация детей; наоборот, чем старее, слабее и болезненнее родители, тем слабее, хилее и неустойчивее и их дети. Что говорится вообще об организации наследственников, то может быть сказано и в частности по отношению к организации центральной нервной системы. Нервная система детей тем слабее и неустойчивее, чем были старее их родители.

Такое воздействие престарелого возраста родителей на большую или меньшую крепость и мощь организации детей будет значительно сильнее, если оба родителя будут в преклонном возрасте, и значительно слабее, если в преклонном возрасте будет только один из родителей. В данном случае, при рождении Иоанна, Великому Князю Василию было 52 года. Естественно, это обстоятельство должно принимать во внимание при обсуждении отправлений нервной системы его детей. Само по себе это обстоятельство имеет слишком малое значение и при прочих благоприятных условиях жизни ребенка оно может даже остаться бесследным; но при прочих неблагоприятных условиях или не вполне благоприятных о нем не нужно забывать.

Вот почему мы оттеняем то обстоятельство, что Иоанн был сын пятидесятидвухлетнего отца и слишком молодой матери.

Второе обстоятельство в жизни Иоанна, на которое мы должны обратить внимание теперь же, это *психопатологическая наследственность и семейное предрасположение* к заболеванию душевными и нервными болезнями.

Из предыдущего краткого упоминания о предках Иоанна Грозного мы видим, что прадед его Василий Темный и отец Василий Иоаннович не отличались особым умом и дарованием; бабка же его, Софья Палеолог, внесла в семью Рюриковичей достаточно выраженную склонность к нервным и душевным заболеваниям.

Кроме того, возможно, что на образование характера царя Иоанна не без влияния остался и характер матери его, «страстной литвинки великой княгини Елены Глинской», на которую он, по мнению проф. Фирсова, был похож и внешним видом, – хотя для развития его характера мы имеем немало и других влияний.

Все это не могло не отразиться, по закону наследственности, на потомках этого рода.

Такое предположение находит себе полное оправдание. Иоанн Грозный, как увидим дальше, представляет собою замечательный образец параноика, – тогда как брат его Юрий является тупоумным (imbecillitas) от рождения.

Если действительно верно, что Иоанн Грозный представлял собою наследника болезненного предрасположения к заболеванию мозга, в виде душевной болезни, от своих родителей и предков, то, по неизменному закону той же наследственности, дальнейшие потомки его должны идти к вырождению и прекращению рода. Так оно и было на деле. Иоанн Грозный имел втрое меньше детей, нежели жен. Старший сын Иоанна умирает в детстве, второй его сын, Иоанн, свирепый и кровожадный, как и отец, убит отцом, Федор – наследник престола малоумен, а Димитрий – эпилептик. Таким образом, в роде Рюриковичей, именно в семействе Иоанна, вырождение совершается в узком и широком смысле слова. К такому выводу мы должны были прийти на основании научных данных о наследственности, – и эти предположения вполне оправдались историческими событиями.

Появление в жизни Иоанна Грозного принесло большое счастье и радость его родителям, особенно же отцу, отчаявшемуся уже иметь детей. Говорят, что в час, когда княгиня Елена разрешилась от бремени Иоанном, по всей Русской земле загремел гром, блеснула молния и земля поколебалась… Мамкой к новорожденному была назначена Аграфена Челяднина, сестра

князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, будущего фаворита матери Иоанна Елены. В младенчестве Иоанн страдал какими-то нарывами в области шеи, – не меньше болезнен был и брат его Юрий.

Иоанн Васильевич Грозный после смерти отца своего, по словам Курбского, *остался зело млад, аки двух лет,* хотя в действительности ему в то время пошел четвертый год. С этого-то возраста несчастный царь начинает жить среди ужасов убийства, казни, кровопролитий, пыток и истязаний. Сначала он был только свидетелем и учеником в сих ужасных делах, творимых его опекунами и воспитателями, а затем создателем и вершителем этих бесчеловечных поступков.

За малолетством наследника престола, Иоанна Грозного, государственное правление перешло теперь в руки матери Иоанна, Елены, при посредстве боярской думы, состоявшей из родовитых князей: Шуйских, Оболенских, Вельских, Одоевских, Захарьиных, Морозовых и др.

Естественно, что при таком правлении должны были возникнуть распри между боярами и борьба между ними за преобладание и самодержавие. Женщина того времени не могла править государством мощною рукою и власть, в силу положения дела, должна была перейти в чьи-либо руки, – и именно в руки того, кто сможет захватить эту власть. Желающих захватить кормило государственного правления было много и каждый из сих многих стремился избавиться от своих соперников. Отсюда естественный исход – не правление государством на пользу его, а стремление уничтожить своих соперников и врагов, обвинить их в чем-нибудь и тем или другим путем изъять их из современного сосуществования.

Но рядом с этим были лица всем таковым искателям кормила правления и соперникам за преобладание равно неприятные и неудобные. Это именно государевы дяди, князья Юрий и Андрей Ивановичи, как лица, по своему родовому положению старше всех и наиболее имеющие право на власть и представительство.

Скоро и легко освободились бояре от этих соперников. Их обвинили в измене Великому Князю и через неделю не стало уже князя Юрия Ивановича, а скоро и князя Андрея Ивановича. Разумеется, по пути прихвачены были княжеские бояре, боярские дети и проч.; но для того времени они в счет не идут.

Остались – правительница Елена и боярская дума. Но боярская дума теперь стала пещерою, куда было много следов входящих, но мало выходящих.

Мать – правительница, Княгиня Елена, была только по имени правительницей. Всеми государственными делами и думой

правил от имени Елены князь Овчина-Телепнев-Оболенский, бывший любимцем Княгини Елены.

Не в духе князя Оболенского было терпеть противоречие со стороны бояр и видеть их попытки овладеть властью. Поэтому он принял коренные и суровые меры к устранению лиц, стоявших ему на пути. В этом отношении первым пал дядя Княгини Елены, князь Михаил Глинский. По своему близкому родству к Княгине Елене, по своим летам и по своей опытности в государственных делах, он рассчитывал стать главным советником и руководителем Елены. Но место руководителя было уже занято Оболенским и он пал первою жертвою стремления к освобождению от лишних и неприятных для Оболенского лиц. Гибели Михаила Глинского много еще помогло и то обстоятельство, что он открыто порицал свою племянницу Елену за ее поведение и отношение к Оболенскому и «смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата, всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели, оправдывающей власть самодержавную» (Карамзин). Его не слушали, возненавидели и погубили.

Самодержавное отношение Телепнева-Оболенского к боярской думе и всем выдающимся людям того времени было причиною того, что Княгиню Елену отравили, и вскоре после нее погиб и ее любимец Оболенский.

Такова была колыбелька, в которой воспитывался в нежные годы детства будущий самодержавный и грозный царь Иоанн Васильевич.

Иоанн остался после смерти матери восьми лет. До сих пор Иоанн был слишком мал для того, чтобы сознательно понимать все окружающее. Заброшенный, чуждый ласки и теплого обхождения, он жил в себе самом. Не принимая деятельного участия во всем окружающем, он служил игрушкою в руках других: то его наряжали и выводили на показ, униженно ему кланяясь и окружая почестями, – то вновь оставляли его в стороне и предавали забвению. От времени до времени его баловали ласкою бывшие приближенные отца, но эти люди куда-то исчезли и больше не появлялись, а новые люди были ему чужды, неласковы и холодны.

Истинный и глубокий сирота, несмотря на то, что стоял при живой матери, Иоанн сосредоточивался в себе и переживал один, своими собственными духовными силами, ту странную обстановку, в которую он был поставлен.

В 8 лет Иоанн остался без матери, но в общем его положение мало изменилось, – разве прибавилось только то, что теперь он был крепче, умнее и самостоятельнее.

После смерти княгини Елены, за малолетством царя, государством правила боярская дума, на которой лежала забота пещись и о воспитании молодого царя.

Но, как и следовало ожидать, боярская дума продолжала быть ареною борьбы отдельных лиц и партий за главенство, за власть на преобладание. Велика сила государственной власти. Бесспорно обаятельно положение владыки государства. А потому, естественно, явились многие искатели этого положения, а радом с этим и борьба между ними не на живот, а на смерть. Диво ли, что в этой девятилетней боярщине мы видим целый рад возвышений и падений, кратковременного величия и следующей за ними жестокой смерти. Что им до интересов государства и воспитания Иоанна? Государство – это безличное стадо, над которым почти каждый из бояр желал и добивался показать свою мощь и власть; Иоанн – это человек, которому льстили возвышаясь и пренебрегали возвысившись.

Не в интересах временщиков было дать Иоанну прочное систематическое образование. Каждый из них, став во главе думы, рассчитывал оставаться во главе государства если не вечно, то пожизненно, а потому для таких лиц Иоанн был лишним человеком, который чем умственно ниже будет стоять, тем для них удобней.

Мы не будем касаться характеристики лишь боярщины. Напомним имена Василия Шуйского, Ивана Шуйского, Андрея Шуйского и др. Довольно будет привести характеристику одного из них, чтобы понять, что это были за люди. «А князь Андрей Михайлович Шуйский был злодей: дела его были злы на пригородах и на волостях, возбуждая истцов на старые тяжбы, он выправлял с ответчиков с кого сто рублей, а с кого более; мастеровые люди во Пскове все делали на него даром, а большие люди несли к нему дары».

Разумеется, у каждого временщика была своя партия и каждый сверженный временщик летел со своей партией. Восторжествовавшие противники не стеснялись с сверженными и разделывались с ними основательно. Тут действовали и месть, и ожесточение, и опасение за свое существование. Не стеснялись при этом ни положением человека, ни его личностью, ни возрастом. Так гибли в борьбе и бояре, и дети боярские, и служилые люди, и иноки, и архимандриты, и митрополиты.

В своей злобе и ожесточении восторжествовавшие соперники, для получения врага, не щадили даже спокойствия и покоев своего малолетнего царя. Ужасен случай с митрополитом Иосифом…

В числе лиц, неугодных Шуйским, был и митрополит Даниил.

Шуйские не долго думали над этим. Митрополит Даниил был заточен в Волоколамский монастырь, а на его место возведен игумен Троицкого монастыря Иосиф. Шуйские думали, что, в благодарность за это 'повышение, Иосиф будет на их стороне. Однако ставленник Шуйских стал на сторону истины, правды и добра родины. В числе жертв, назначенных Шуйскими к уничтожению, при свержении Вельских, оказался и митрополит Иосиф. Заговорщики ворвались во двор митрополита и начали бросать камнями в окна его келий. Митрополит искал убежища в хоромах малолетнего царя. Враги ночью с шумом и криком ворвались в спальню царя и вытащили оттуда митрополита. Страшный испуг и ужас царя и его мольбы о помиловании митрополита не имели никакого значения для клевретов Шуйских. Только благодаря князю Палецкому и игумену Сергию не совершилось святотатственное убийство над митрополитом.

Такие сцены не изглаживаются из ума человека никогда в жизни…

При такой постоянной борьбе партий за владычество, при частой смене одной партии другою, малолетний царь оставался без правильного воспитания, так как некому было заботиться об этом, – да и охоты к тому не было у царедворцев. Поэтому царевич вновь был предоставлен самому себе.

Иоанн Грозный по природе был человек впечатлительный и восприимчивый, поэтому окружающая обстановка отпечатлевалась на нем весьма резко и давала прочные плоды. А между тем вокруг его совершалось нечто странное. При всех больших церковных праздниках, при приеме чужеземных послов и при других торжествах, юный царь являлся главным средоточием и центром торжества. Все остальные оказывали ему почтение и раболепство, служа дополнением и блестящею обстановкою при его царском троне. А вне этой публичности молодому царю приходилось терпеть от тех же вельмож небрежность, высокомерие, непочтительность и даже грубость.

Вот что по этому поводу говорит сам Иоанн в письмах к Курбскому. «Нас же питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Яковаж пострадах во одеянии и во алкании во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив; к нам же не преклонялся не только яко родительски, но еже властелински, яко раб-скоеж, ниже начало обретеся: и такова гордыня кто может понести! Какож нечесчи таковые бедне страдания многая, яко в юности пострадал! Многажды поздно ядох не по своей воле…»

С детства видел царь и хищение царской казны постоянно сменяющимися временщиками, видел он грабеж ими и казны *дядей наших,* видел он и ограбление боярами народа, видел он и избиение восходящими временщиками преданных престолу бояр и людей служилых, видел он избиение сими временщиками и даже служителей Божьих.

Все это не могло не запасть в чувствительную душу юного царя и не вызвать в нем отвращения, ожесточения, озлобления, ненависти и жажды мести к своевольным боярам. Грубое и пренебрежительное отношение бояр к самому самодержавному царю не могло в нем не вызвать ожесточения и жестокосердия. Так действовала на юного царя обстановка, в которой он жил и воспитывался, сама по себе; но то же ожесточение и жестокосердие опекуны старались развить в Иоанне и активно. Те самые бояре, на которых лежала обязанность смягчить и добро воспитать юное сердце царя, поощряли в царе жестокосердие и развивали в нем зверя-человека.

В юные годы, лет восьми-десяти, царь любил мучить и истязать животных. Бросит, бывало, несчастное животное из окна высокого терема на двор и любуется его страданиями… Рядом с этим царь страстно любил псовую и соколиную охоту и бояре усердно поощряли его в этих развлечениях.

Поощряя в юном царе жестокосердие и кровожадность, бояре и собственным примером на самых близких царя показали полное презрение к человеческому достоинству и царскому величию, а равно и безмерную необузданность хамской власти и кулачного права сильного. Лучшим примером сказанного служит поступок Шуйских с Федором Воронцовым.

Федор Воронцов был любимец тринадцатилетнего Иоанна. Опасаясь соперничества во влиянии на юного царя, Шуйские захотели извести Воронцова. Для этого они завели спор с Воронцовым в думе боярской, собравшейся в столовой избе. Не стесняясь присутствием царя, они напали на него, начали бить по щекам, изорвали на нем одежду и хотели его убить. Царь вынужден был вымаливать жизнь своего любимца у своих, не знающих удержу своеволия, подданных. Вопреки воле царя, Воронцова сослали в Кострому… Что должен был чувствовать самодержавный царь ввиду такого поступка на его глазах с любимым ему человеком… Каковы должны были возродиться у него мысли о силе сильного и о положении бесправного…

Все крайности беззаконного и грубого самовластия и необузданных страстей в правителях государства, Шуйских, ослепленных безрассудным личным властолюбием, были причиною тому, что гроза разразилась над ними гораздо раньше,

чем они могли ожидать.

Разумеется, в этом случае не малое воздействие на молодого царя имели и вельможи – враги правителей, по-видимому Глинские, дяди царя. Царю-отроку мало-помалу начали внушать, что приспело уже время объявить ему себя действительным самодержцем и свергнуть хищников власти, которые, угнетая народ, тиранят бояр и издеваются над самим государем, не щадя жизни его любимцев и с особенным рвением изводя именно самых преданных и близких лиц государю.

Все эти внушения велись крайне осторожно, умно и скрытно, так что Шуйские и не подозревали ничего подобного. Тринадцатилетний царь, по обычаю, осенью поехал в Сергиеву лавру, побывал на охоте в Волоке Ламском и весело отпраздновал праздники Рождества Христова.

Вдруг, 29 декабря 15 45 года, царь-отрок созвал бояр и здесь в первый раз заявил себя самодержавным и мощным повелителем. Грозно и властно юный царь объявил, что бояре-правители беззаконно властвуют; пользуясь во зло его юностью, они самовольно убивают людей и грабят землю. Эта вина падает на всех бояр-правителей, но царь желает наказать только виновнейших из них и особенно главного тирана Андрея Шуйского.

Андрея Шуйского отдали псарям. Его публично истерзали псы.

Очевидно, в данном случае действовал не самодержавный царь и даже не присущая уже ему лютость, а личная ненависть бояр к Шуйским, ибо самый способ казни был недостоин юных лет самодержца.

Вины Шуйского были опубликованы. Последовали опалы и на других бояр. Сослали Шуйского-Скопина, князя Юрия Темкина, Фому Головина и много других. Народ был доволен устранением правителей. Летопись говорит, что с того времени даже бояре начали иметь страх от государя.

Но тем не менее явно было, что не государь взял бразды правления, – за его спиной действовали чьи-то чужие руки, ибо он слишком юн был еще; одна боярская партия вырвала власть из хищнических рук другой партии и по-прежнему продолжала самовластвовать, отстранив и предоставив самому себе отрока царя. Вместо Шуйских властью овладели Глинские. Подобно Шуйским, правители заботились только о том, чтобы держать Иоанна подальше от дел и власти, не гнушаясь толкать его по пути разврата и безделья. Вместе с тем они не прочь были воспользоваться легкомыслием, вспыльчивостью царя и отсутствием крепкой привязанности у царя к кому бы то ни было,

если к тому представлялась необходимость для устранения тех или других лиц. Говоря о характере Иоанна, Костомаров заключает: «Иоанн не способен был к долгим привязанностям и для него ничего не значило убить человека, которого еще не так давно считал своим другом. Молодым сверстникам государя, разделявшим его забавы, была не безопасна его милость. По его приказанию были удалены один из князей Трубецких и сын любимца Елены Федор». Так же были уничтожены Иван Кубенский и Федор и Василий Воронцовы, хотя они были и любимцами государя.

К пятнадцати годам и этого ему стало мало. Набрав толпу сверстников, Иоанн мчался по стогнам города и при своей неистовой скачке душил проходящих. С ужасом и трепетом открещивались спасшиеся от этого вихря прохожие; пострадавшие же изувеченные старухи и младенцы изгибались в страданиях и муках. А царь радовался и с наслаждением смотрел на страдания людей по его соизволению…

Курбский по этому поводу говорит: «Воистину дела разбойнические творяше, и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно…» В самом деле, юный царь в своей дикой скачке по улицам Москвы не только душил людей, но еще и бил мужчин и женщин, и грабил народ.

Что же делали вельможи, правители и воспитатели? Удерживали малолетнего царя? Вразумляли и наставляли его?…

«Иоанн гонял на мсках и христианом проторы учинял!., а бояре „свирепствовали аки Львове, и люди их, аки звери дивии“, говорит летописец.

Они восторгались деяниями князя, поощряли его на таковые дела и восклицали: «о храбр будет сей царь и мужествен…»

Но и этого было мало, что бояре воспитывали в царе зверя-человека. Эти самые бояре вскоре начали травить его на своих противников.

Таким образом, этот от природы нервно-неустойчивый, впечатлительный и раздражительный человек, унаследовавший жестокость и бессердечие от своих предков, постепенно развивал в себе жестокосердие и кровожадность: сначала на животных, потом на низшем классе людей и наконец на боярах и вельможах. И что ужаснее всего, так это то, что на все эти ужасы наталкивали его приближенные. Они не только будили в царе присущего ему от рождения зверя, а поселяли и развивали в нем нового зверя. Они не только будили лежащую в глубине его души кровожадность, но и возбуждали полное презрение к людям и воззрение на людей, как на материал для кровожадной забавы и излияния своей злобы и мести.

Злодействуя сначала по наущению недостойных клевретов, жестокосердный царь скоро стал приносить жертвы Молоху и sua sponte.

В последнем случае враги воспользовались мятежным столкновением новгородских пищальников со свитою царя. Новгородские пищальники, недовольные своими начальниками, хотели лично принести жалобу царю. Вместо разбора жалобы, царь приказал окружающей страже прогнать и наказать бунтовщиков. Завязалась драка между пищальниками и свитою Иоанна, окончившаяся кровопролитием. Царь потребовал расследования дела и доклада имен виновных в причине мятежа. Дьяк Василий Захаров указал на Воронцовых и других вышепоименованных лиц, и вспыльчивый царь, без суда и расправы, приказал их казнить. В то же время были казнены и другие бояре, как: Трубецкой, Дорогобужский, Овчина-Оболенский и проч.

В юные годы молодой царь, видимо, отличался крайнею неустойчивостью характера, жаждою новых впечатлений и неудержимым стремлением к изменению образа жизни и перемены обстановки. Царь-отрок постоянно ездил по разным областям своей державы, не с целью изучения нужд государства и чинения правосудия, а для забав звериной охотой. Так он был с братьями Юрием Васильевичем и Владимиром Андреевичем во Владимире, Можайске, Волоке, Ряжске, Твери, Новгороде, Пскове, где, окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слыхал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность, ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу: двор требовал угощения и даров.

Устранив, по наущению, Глинских, Шуйских, царь в свою очередь Глинскими был устранен от кормила правления. Царь остался одиноким. Царь замкнулся в себе. Ребенок видел перед собою врагов и похитителей его прав, но бороться с ними открыто и явно он не мог. Борьба эта шла у него в голове. Голова ребенка была занята мыслью об этой борьбе, о своих правах, о непрерывном нарушении этих прав, о средствах восстановить свои права и возможности отомстить оскорбителям и нарушителям.

Знаменитый наш историк *С. Соловьев* говорит так: «окруженный людьми, которые, в своих стремлениях, не обращали на него никакого внимания, оскорбляли его, в своей борьбе не щадили друг друга, позволяли себе в его глазах насильственные поступки, Иоанн привык не обращать внимания

на интересы других, привык не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека. Пренебрегая развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, воспитатели позволяли ему предаваться чувственным и животным стремлениям, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли, наносили ему удары в самые нежные, чувствительные места, оскорбляя память его родителей, позоря и умерщвляя людей, к которым он был привязан. Таким образом оскорбляли Иоанна вдвойне: как государя, не исполняя его приказаний, и как человека, не слушая его просьбы. От этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений в Иоанне развились два чувства: презрение к рабам ласкателям и ненависть к врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права и ненависть личная за личные оскорбления».

Устраненный от дел государства, помимо охоты и разъездов, царь имел время посвятить себя и образованию. Как нейрастеник, обладая неустойчивыми, но острыми умственными способностями, он накинулся на изучение различных предметов… Правда, изучение шло без системы, без толку и без руководящей руки; но и самый ум Иоанна был таков, что он не мог долго останавливаться на одном предмете. Он изучал священную историю, церковную историю, римскую историю, Русские летописи, творения Святых отцов и т. д.

Но, владея острым, но неустойчивым умом, Иоанн обладал еще большей фантазией и богатою игрою воображения. Замкнутый в себе, скрытый, сосредоточенный, обидчивый и бесконечно самолюбивый и себялюбивый, Иоанн все читал по-своему. Он не только читал книги и заимствовал оттуда факты, но он всегда переживал эти факты, относя их к себе то в том, то в другом отношении. В его душевной деятельности воображение и фантазия брали перевес над разумом. В настоящее время, при невозможности еще открыто выступить во всеоружии своего величия и власти, Иоанн хранил в тайниках своей души помыслы своей фантазии и воображения; но как только власть и мощь его начали осуществляться на деле, сразу стало видно, что прочитанное в книгах он захотел применить к себе.

Три года Иоанн воспитывал свой ум. Три года его фантазия и воображение стояли в сделке с приобретаемыми познаниями о царях и царствах. И в эти три года больной фантазер создавал планы и предположения относительно своего будущего.

Но вот эти три года прошли. Царю семнадцать лет. Царь желает выступить в самостоятельной роли и привести в

исполнение задуманные планы и предположения.

Случается нередко, что у лиц, с столь болезненно развитыми и господствующими фантазиею и воображением над рассудком, скрытность и замкнутость существуют только до известных пределов, после чего они берут новый перевес над рассудком, действуют на него подавляюще, стремятся излиться в действиях и поступках и перейти из небытия к бытию. В этом случае обыкновенно на помощь приходят какие-нибудь побочные обстоятельства: наступление юношеского периода или престарелого возраста, половые излишества, алкогольные излишества, чрезмерное умственное или физическое переутомление и проч.

Иоанн находился теперь именно в том состоянии, когда организм его вступал в период половой зрелости, а ум и воображение были начинены историческими событиями, распалившими его фантазию и создавшими множество планов. Иоанн вступал в тот момент, когда фантазия слишком сильно разыгралась. Задерживающие центры рассудка были подавлены, и он захотел осуществить на деле то, что до сих пор таилось в образах его фантазии.

В январе 1547 года, когда Иоанну было семнадцать лет, он зовет митрополита, бояр и сановников и держит к ним речь. Первее всего юный царь заявляет, что он хочет жениться. «Уповая на милость Божию и на святых Заступников земли Русской, имею намерение жениться».

Отличное дело.

Но царь добавляет. «Первою моею мыслью было искать невесты в иных царствах; но рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. (Почему?) Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не соитися нравом с иноземкою: будет ли тогда супружество счастьем? Желаю найти невесту в России, по воле Божией и по твоему благословению».

Митрополит умилился.

– Сам Бог внушил тебе намерение столь вожделенное для твоих подданных! Благословляю оное именем Отца Небесного.

Бояре плакали от радости.

Но это было еще не все. Царь только начал свою речь, имея в виду сообщить многое другое.

Царь продолжал.

> «По-твоему, отца своего митрополита, благословению и с вашего боярского совета, хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов, как наши прародители, цари и великие князья, и сродник

наш Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжество садились; и я также этот чин хочу исполнить и на царство на великое княжество сесть».

Итак, Иоанн хотел пройти обряд венчания на царство. Обряд этот в то время был для князей далеко не обязателен и почти все князья обходились без него. Но больному воображению Иоанна обойтись без этой торжественной обстановки было бы слишком обидно. Теперь у него резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, появляться к народу и блуждать по государству.

Но мало и того, что Иоанн пожелал венчаться на царство. Иоанн объявляет себя царем. До сих пор титул царя не писался в сношениях с иностранными державами. Теперь Иоанн присвояет царский титул как для иностранных сношений, так и для внутригосударственного чествования.

Начитавшись историй священного писания, греческих и римских историй, Иоанн захотел быть на Московском престоле тем же, чем Давид и Соломон на Иерусалимском, Август, Константин и Феодосии на римском, чем были ассирийские цари, вавилонские цари и проч. и проч.

Такому желанию царя найдены были многочисленные исторические доводы и основания. Уже прежде московские властители считали себя преемственно царями с одной стороны потому, что заступали для Руси место ханов Золотой Орды, которых русские в течение веков привыкли называть царями, а с другой – потому, что считали себя по женской линии преемниками византийских императоров, которых титул переводился словом «царь».

Кроме того, измышлено было сказание, что византийский император Константин Мономах прислал внуку своему Владимиру Мономаху царский венец, который, равно как и бармы и цепь, был возложен на Владимира Мономаха епископом ефесским. Сказание передает далее, что Владимир Мономах завещал эти регалии сыну своему Георгию и приказал в поколение до тех пор, пока не воздвигнет Бог на Руси достойного самодержца.

Таким самодержцем и явился Иоанн.

16 января 15 47 г. митрополит Макарий венчал Иоанна на царство шапкою, бармами и цепью Мономаха.

Измышлено было и другое сказание по этому поводу. Сказывали, что брат римского императора Октавия Августа переселился в Литву. Рюрик, Синеус и Трувор, по этому сказанию,

являлись прямыми потомками Октавия Августа, – тем самым и все предки Иоанна и он сам происходили от цезарского рода Августа.

Константинопольский патриарх Иосиф утвердил этот царский титул грамотою, говоря в ней: «не только предание людей достоверных, но и самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель московский происходит от незабвенной царицы Анны, сестры императрицы Багрянородного, и что митрополит ефесский, уполномоченный для того собором духовенства византийского, венчал российского великого князя Владимира на царство».

В народ пущен был слух, что сим исполнилось пророчество апокалипсиса о шестом царстве, которое и есть российское царство.

Наконец, летописи записали: «смирились враги наши, цари неверные и короли нечестивые. Иоанн стал на первой степени державства между ними».

Все эти апокрифы не имели бы никакого значения, если бы не одно обстоятельство во всем этом деле, имеющее более серьезный смысл, чем можно думать. Дело в том, что обо всех этих преданиях Иоанн наверное знал. Мало того, он в них искренно верил и считал за непреложные факты. Если мы не имеем доказательств на это исторических, то мы имеем эти данные в естественно-исторических фактах. Лица с неустойчивою нервною системою и дегенераты имеют ту особенность, что подобные фантастические рассказы они не только принимают за факты, но и относят эти рассказы к своей собственной личности. У этих людей, если позволительно так сказать, нет чувства действительности и они лишены способности полагать грань между правдою и вымыслом, между возможным и фантазией. Мало того, нередко они сами измышляют какую-либо фантастическую историю и затем настолько глубоко бывают убеждены в ее правдивости и действительности, что готовы за нее положить голову на плаху.

Чрезвычайно метко охарактеризовал Иоанна К. С. Аксаков: «Натура Иоанна влекла его от образа к образу, от картины к картине, – и эти картины любил он осуществлять себе в жизни. То представлялась ему площадь, полная присланных от всей земли представителей, – и царь, сидящий торжественно под осенением крестов, на лобном месте и говорящий народу речь. То представлялось ему торжественное собрание духовенства, и опять царь посредине, предлагающий вопросы. То являлась ему площадь, установленная орудиями пытки, страшное проявление царского гнева, гром, губящий народы… и вот ужасы казней

Московских, ужасы Новгорода… То являлся перед ним монастырь, черные одежды, посты, покаяния, труды и земные поклоны, картина царского смирения, – увлеченный ею, он обращал и себя и опричников в отшельников, а дворец свой в обитель…»

Иоанн, читая исторические сказания о царях вавилонских, ассирийских, византийских и римских, проникся горячим желанием стать столь же могущественным и славным царем, как и его знаменитые исторические предшественники. Нашлись люди, которые доложили ему апокрифы, могли найтись и такие, которые были не прочь и присочинить их, – и из всего этого создалась история венчания на царство.

Так мы себе можем представить ход мыслей, при развитии плана в уме Иоанна, относительно венчания на царство. Уж слишком слабы и шатки все вышеуказанные апокрифы, чтобы на них строить серьезное государственное здание. Человек с крепким умом не считал бы необходимостью прибегать к столь слабым историческим доводам. Напротив поступит человек с болезненно развитой фантазией и воображением, одерживающим перевес над разумом. Такой человек искренно верит апокрифам, он их исповедует как истину, переносит в жизнь и старается осуществить их на деле.

Иоанн был именно таким лицом, поэтому он и захотел привести к бытию свои фантастические планы о царском титуле, царском венчании, венце и бармах…

А сказал самодержец: да будет!

И бысть.

Между тем это решение имело очень серьезное государственное значение, как внутри государства, так и вне оного. Мудрые бояре далеко не с покойной душой принимали этот титул, ибо, умудренные жизненным опытом, они опасались в будущем многих неприятностей и недоразумений. Прежде всего иноземные государства не вполне хладнокровно и покойно смогут отнестись к этому титулу, – что и было в действительности. Во-вторых, и внутри государства это нововведение имело значение, ибо этим титулом оно выдвигало самодержца из ряда князей равных; хотя бы уже они и считались соподчиненными самодержцу, однако de facto у многих из них была мысль в голове, что я-де такой же князь, как и ты, и что покажет будущее – еще посмотрим.

Тем не менее Иоанн сказал: да будет… и бысть.

Спустя четыре недели Иоанн женился на Анастасии Захарьиной, которая, помимо красоты, отличалась целомудрием, смирением, набожностью, чувствительностью, благостью и

основательным умом.

Однако и искренняя любовь к добродетельной супруге не могла укротить души Иоанна, пылкой и беспокойной, стремительной к порывам гнева и приученной к шумной праздности и к шумным и неблагочинным забавам.

«Он любил показывать себя, – говорит Карамзин, – царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы показать свою независимость… Никогда Россия не управлялась хуже: Глинские, подобно Шуйским, делали что хотели именем юного государя; наслаждались почестями, богатствами и равнодушно смотрели на неверность частных властителей».

Внимал ли венчанный царь к стону своего народа? Принял ли он царство, как пастырь принимает стадо? Отнесся ли он милостиво и внимательно к своим подданным? Захотел ли он венчанием показать своим боярам, что отныне он есть отец отечеству?… Увы, это только была игра в царство…

Венчавшись на царство и вступивши в брак с Анастасией, Иоанн не покинул своей бродяжнической жизни. Зуд непосидячества дегенерата оказывал свое влияние на него, и вот он вновь мечется по государству. В селе Островке псковские граждане обратились к венчанному царю с жалобой на своего начальника, князя Турунтая Пронского… Семьдесят челобитчиков стояли пред Иоанном с обвинениями и уликами… И здесь-то венчанный царь вполне проявил свой нрав. Он даже не выслушал челобитчиков. Закипел гневом. Начал на них кричать, топать ногами, лил на них горящее вино, палил им бороды и волосы, велел их раздеть и положить на землю… Несчастные челобитчики ждали смерти. Их спас Царь Небесный.

Принесли Иоанну недобрую весть. В Москве с колокольни упал колокол. А это предрекало большое несчастье. Венчанный царь оставил правую расправу с ищущими правды и полетел в Москву.

Не в духе Иоанна было чинить суд и расправу. Еще раньше новгородские пищальники обращались к нему с жалобой и с оружием в руках должны были защищать свою жизнь…

На Иоанна посыпались несчастья. Перст Божий указывал ему на конец долготерпения и вразумлял легкомысленного царя. 12 апреля вспыхнул сильный пожар в Москве; 20 сентября – другой, 3 июня упал колокол-благовестник и 21-го вспыхнул новый страшный пожар, какого еще никогда не было в Москве. Пожар был настолько велик, что десятки тысяч народа остались без крова. В народе возник ропот.

Бояре, недовольные правлением Глинских, воспользовались случаем свергнуть правителей.

Средством для этого они избрали бунт черни. В народе пустили молву, что пожар произвели Глинские. Донесли об этом и царю. Царь назначил произвести дознание.

Розыск дела совершался так: на Кремлевскую соборную площадь собрали чернь и начали спрашивать: кто зажигал Москву? Народ, видимо, заранее подготовленный, завопил, что это княжна Анна Глинская с своими детьми волховала и, благодаря этому волшебству, сгорела Москва. Бывший при этом Юрий Глинский, видя недоброе дело и желая спасти себя, укрылся в церковь Успения; но чернь извлекла его оттуда и, убивши, покинула на лобном месте. За сим имущество Глинских было разграблено и все их слуги и дети боярские были убиты.

Княжна Анна Глинская, бабка государя, вместе с сыном своим Михаилом, находилась в то время в ржевском своем имении. Чернь, не насытившись кровью Юрия Глинского и его слуг, явилась во дворец к Иоанну, требуя от него выдачи бабки его Анны Глинской и Михаила Глинского, якобы схороненных царем в своей опочивальне.

Иоанн потрясен был беспредельно. Еще недавно удовлетворенный в своих идеях величия, он был растерян и бессилен при виде целого ряда ужасов и бед. Бунт псковитян (так по крайней мере он понимал искание правды псковитянами у своего царя, при одержимости последнего идеями преследования), пожар в Москве, еще пожар в Москве, падение колокола-благовестника, уничтожение Москвы новым пожаром, бунт черни, убийство Глинских и, наконец, последняя протодерзость – требование от царя выдачи его родных, – все это могло потрясти и не такого человека, как нервный и душевнобольной Иоанн.

В эту-то пору внутреннего трепета, душевного потрясения и умственного бессилия – является глас Божий в лице иерея Сильвестра. «Сильвестр явился к Иоанну с поднятым угрожающим перстом, с видом пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над головою царя легкомысленного и злострастного; что огнь небесный испепелил Москву, что сила Вышнего волнует народ и льет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв святое писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму царей земных. Он заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов, потряс душу и сердце, овладел воображением и умом юноши» (Карамзин).

Совершилось чудо. Обливаясь слезами раскаяния, Иоанн простер десницу к наставнику и требовал от него силы быть

добродетельным и помощи.

Видимо, Сильвестр был давно известен Иоанну с хорошей стороны; этим объясняется быстрый и необыкновенный успех его у Иоанна (Соловьев, Белов).

С этих пор Сильвестр становится главным руководителем Иоанна. На помощь ему выступает Алексей Адашев. Эти два мужа ведут государственные дела и дают новое направление управлению государством. Мятежная чернь была разогнана и государство успокоено.

Почти все историки высказывают тот взгляд, что Иоанн Грозный обладал недюжинным умом и твердым характером. На наш взгляд, ум Иоанна Грозного был не выше среднего уровня, а характер у него вовсе отсутствовал.

Во всем царствовании Иоанна мы не видим ни одной определенной мысли, которою бы он руководился, ни одного прочного убеждения, ни одного твердого правила. Это был ум крайне поверхностный, неустойчивый и неопределенный. Одну минуту он думал одно, другую – другое, а третью – третье. Он не имел своих убеждений, а поступал так, как ему внушали другие. Узкий и недальновидный во взглядах, он не замечал, как ему окружающие внушали. Болезненно самолюбивый и любящий фигурировать, он охотно поведал чужие мысли как свои. Гордый и строптивый, он радостно приводил в исполнение чужие внушения, принимая их за свои. Так он 13 лет сыграл роль, внушенную ему Глинскими. Так он проделал историю венчания на царство, внушенную ему его фантазией и можно думать (Костомаров) митрополитом Макарием. Так он всецело подпадает влиянию Сильвестра и Алексея Адашева в настоящий момент.

Две мысли, однако, владеют царем беспредельно и безгранично. Это мысли болезненные, это мысли, присущие ему от рождения и не покидавшие его по конец жизни. В настоящий момент они еще не имеют логической подкладки и правильной систематизации; но многие жизненные обстоятельства говорят, что они существуют и по временам отражаются в его действиях и поступках. Так в жалобе новгородских пищальников он видит бунт и усмиряет его оружием; в челобитьи псковитян он видит новое возмущение и собственноручно не брезгает издеваться над людьми, пришедшими к своему отцу просить правды и справедливости.

Правда, идеи преследования находят себе поддержку, и сильную поддержку, в возмутительных поступках бояр, но одно только это едва ли бы создало больного Иоанна, если бы к тому не было основы в самом существе организма его. Самоуправство и презрительное отношение бояр к Иоанну дало только известное

направление бредовой его деятельности, но оно не создало и не породило ее.

Не твердый умом, не имея никаких определенных убеждений и взглядов, фантазер и мечтатель, потрясенный до глубины души целым рядом несчастных событий, дерзкий и кровожадный в силе, малодушный и трусливый в одиночестве, суеверный и мистик, Иоанн всецело отдается в руки человека с железною волею, твердым умом, строгими и определенными убеждениями и непреклонным характером.

Все способствовало господству Сильвестра.

Первее всего он дает царю мысль, как усмирить взбунтовавшуюся чернь и водворить порядок и при этом быстро приводить все в исполнение.

Наступает тишина и спокойствие.

Слава Господу! Гроза миновала. Разбитый и обессиленный царь от всей души рад отдохнуть и успокоиться под крепкою рукою человека с железной волей. К счастью, этот человек не из бояр и вельмож – заклятых врагов Иоанна. Это всего только поп, не имущий ни власти и господства, ни славы и почести, ни богатства и обладания. Он говорит именем Божиим. «Покайтеся и веруйте во Евангелие», – провозглашает он. Это Савонарола. Это пророк Иезекииль… По своему положению он исходит из того рода, в котором Иоанн видит единственную свою поддержку. Это простой мирянин, не ищущий стать на пути владычества Иоанну.

Этого мало. Сильвестр излагает Иоанну свои взгляды на управление государством. Очевидно, этот человек имеет определенные взгляды на управление, вдобавок с значительной долей железной воли привести их в исполнение. Кроме того, самый план управления государством является в истории государства чем-то новым и для больного воображения Иоанна особенно заманчивым. Сильвестр умаляет положение бояр и князей – врагов Иоанна, – и выдвигает новую силу – народ, народ, который на этот раз является естественным союзником Иоанна, как притесняемый и угнетаемый теми же князьями и боярами, от которых терпел и сам царь.

Весьма естественно, что легкомысленный царь всецело отдался в руки попу. Особенно же заманчиво во всем этом деле то, что Иоанну в будущем представляется возможность фигурировать, являться торжественно пред народом, произносить речи, обвинять бояр в неправоте и обещать милости великия. Фантазер и мечтатель мог только жалеть об одном – что все это не сей час.

Помощником Сильвестра является Алексей Адашев, – опять-таки человек по происхождению из темного люда. «Я из

батожников его поднял, от гноища учинил наравне с вельможами», – говорил о нем впоследствии Иоанн.

Этим-то людям теперь отдался Иоанн всею душою и всеми помышлениями.

Сильвестр и Адашев не желали властвовать одни. Любя всей душой родину, желая от всей души добра царю и стремясь принести посильную пользу государству, они составили «избранную раду», подобрав кружок людей, более других отличавшихся широкими взглядами и любовью к общему делу. То были люди знатных родов: князь Дмитрий Курлятов, Андрей Курбский, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и друг. Рядом с этим Адашев и Сильвестр начали выдвигать из толпы людей незнатных, но честных и возлагали на них различные обязанности. Последнее царю не только не было противно, а, напротив, вполне сочеталось с его болезненными мыслями по отношению к преследованию со стороны князей и бояр.

Поняв легкомысленный и самолюбивый характер Иоанна, «избранная рада» старалась действовать так, чтобы царь не замечал, что он служит только лишь прикрытием им, что вполне им и удавалось, – пока посторонние лица не открыли царю настоящего положения дела. Впоследствии уже царь горько жаловался на попрание и уничтожение его самодержавия. «Они отняли у нас данную нам от прародителей власть возвышать бояр, по нашему изволению, но все положили в свою и нашу власть, – как им нравилось, так и делалось, они утвердились между собою дружбою, чтобы все содержать в своей воле, у нас же ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было, всякое устроение и утверждение совершалось по воле их и их советников. Мы, бывало, если что-нибудь и доброе посоветуем, то они считают это ни к чему не нужным… Во всех малых и ничтожных вещах, до обуванья и спанья, мне не было воли, а все по их хотению делалось».

Об этом периоде царствования, от которого сам Иоанн так настойчиво отрекается, историк говорит: «Мудрая уверенность, человеколюбие, дух кротости и мира сделались правилом для царской власти… Везде сменяли недостойных властителей, наказывали презрением или темницею, но без излишней строгости. Хотели организовать счастливую государственную перемену не жестокою казнию худых старых чиновников, а лучшим избранием новых, как бы объявляя народу, что злоупотребления частной власти бывают обыкновенным, неминуемым следствием усыпления или разврата в главном начальстве: где оно терпит грабеж, там грабители почти невинны,

пользуясь дозволяемым. Везде народ благословлял усердие правительства к добру общему» (Костомаров).

Когда бунт был усмирен и в Москве начало приходить все в порядок и благополучие, Иоанн на несколько дней уединился для поста и молитвы, созвал святителей, умиленно каялся во грехах и, разрешенный и успокоенный ими в совести, причастился Святых тайн.

Здесь вылился весь Иоанн, быстро увлекающийся, быстро малодушничествующий, быстро воспламеняющийся, быстро грешащий, быстро злодействующий, быстро кающийся и быстро успокаивающийся.

А между тем «избранная рада» работала энергично. Государству нужно было дать суд и правду. Советникам нужно было, чтобы сам народ высказался, чего ему недостает. Царю желательно было пофигурировать на этом собрании. Решил он – собрать земский собор. Этим решением и избранная рада и царь остались довольны и потому быстро был собран земский собор или Великая Земская дума в 1550 г.

В один воскресный день, после обедни, государь и митрополит с крестным ходом, в сопровождении земской думы, вышли на площадь, где находилось лобное место, окруженные густыми толпами народа. После молебствия, Иоанн стал на лобном месте и, обратившись к митрополиту, просил его быть ему помощником и споспешником в делах.

> «Сам ты ведаешь, святый владыко, как я остался от отца своего четырех лет, а от матери восьми лет. Бояре и вельможи о мне не радели и стали самовластны; именем моим сами похищали себе саны и почести, никто не возбранял им упражняться во многих корыстиях, хищениях и обидах. Они властвовали, а я был глух и нем по своей юности и неразумию. О лихоимцы, хищники и несправедливые судьи! Какой ответ ныне дадите нам за многие слезы, из-за вас пролитые? *Я чист от крови сей, а вы ожидайте своего воздаяния…»*

За сим царь поклонился народу во все стороны и продолжал:

> «Люди Божий и нам дарованные Богом! молю вашу веру к Нему и любовь к нам. Ныне уже невозможно исправить ваших прошлых обид и разорений от неправосудия и лихоимства, попущенных неправедными моими боярами и властями. Молю вас, забудьте вражды друг на друга и тяготы свои, кроме тех, какие бы можно еще облегчить. Отныне я сам буду вам судья и оборона,

будут отменять неправды и возвращать хищения».

В упомянутой же записи говорится, что в тот же день Иоанн поручил своему любимцу Алексею Адашеву принимать челобитные от обиженных и рассматривать их, – теперь не было сильных и знатных. При этом он не обошелся и без надлежащей речи к Адашеву.

> «Алексей, взял я тебя из бедных и самых молодых людей за твои добрые дела, а взыскал тебя выше твоей породы в помощь душе моей, хотя на то и не было твоего желания…»

И вот с этого времени начинается период новой жизни под управлением царя, митрополита и «избранной рады».

Не имея собственной личности, царь, окруженный людьми честными, любящими родину и правду, стал их невольным сообщником и государство, хотя на некоторое время, вздохнуло.

Москва приведена была в порядок. Сгоревшие храмы Божий воздвигнуты, постройки восстановлены и жизнь пошла мирным порядком.

В это время издан был судебник, или вторая Русская Правда, обуздано местничество, составлен и издан Стоглав, положено было основание к вызову в Россию ремесленников, художников, лекарей, аптекарей, типографщиков и т. д. Государство, успокоенное и управляемое людьми мудрыми и бескорыстными, скоро показало свою силу и в сношениях с неприятелями.

Казань была покорена, покорена и Астрахань, совершилось подданство черкесов Иоанну, завоевано черкесами Тмутараканское и Томашское княжества, сибирское царство обязалось платить дань, заведены мирные сношения с Англией, Литва была покорена и должна была выносить укрепляющуюся Россию, Крым трепетал и смирился, Ливония была почти уничтожена, Швеция посрамлена. Самое войско было преобразовано и чрез то представлялось непобедимым.

Все эти мудрые дела приписываются Иоанну. Правильно ли это? Мы видели уже, что он сам отрекся от этих дел.

По словам летописца, «Сильвестр управлял и церковью и думою и ему недоставало только седалища царского и святительского: он указывал и вельможам, и митрополиту, и судьям и воеводам: он мыслил, а царь делал» (Костомаров). Летопись говорит следующее о Сильвестре: «бысть яко вся могий и вся его послушаху…» Полевой высказался так: «Иоанн отнял власть у Глинских и передал ее думе боярской, но не дума управляла царством: правителем сделался протоиерей

Сильвестр… Ничего Сильвестр и Адашев не делали без разрешения царского, но, разумеется, никто не смел отказать в их предложении и царь всегда соглашался с ними».

Но нельзя всего отнять и от Иоанна. С людьми добрыми он был добр, с людьми чистыми он был чист, а с злодеями он уподоблялся злодею.

По мнению г. Иловайского, в это время Иоанн занимался с успехом чтением душеполезных книг и самообразованием, под руководством митрополита Макария и Сильвестра, что он и показал в дальнейших своих прениях по вопросам религии и государственности.

Однако едва ли бы имели такой успех в смысле влияния на Иоанна и Сильвестр, и Адашев, и митрополит Макарий, и вся избранная рада, если бы они не имели союзника в лице царицы Анастасии, которая вполне могла понимать и ценить и стремления «рады», и интересы царя, и пользу государства. С ее помощью и содействия легко можно было приручить царя и руководить им в дальнейших государственных делах. По словам летописи, «предобрая Анастасия заставляла и проводила Иоанна на явление добродетели».

Это был, так сказать, золотой век царствования Иоанна Грозного, продолжавшийся тринадцать лет.

Однако однообразие наскучает, – особенно людям, подобным Иоанну, с характером неустойчивым, любящим новые впечатления и быструю смену ощущений. Можно удивляться и поражаться тем, как долго Иоанн терпел столь продолжительную опеку над собою. Очевидно, опекуны умели очень искусно вести дела, устраивая все так, что главная заслуга и почести всегда падали на долю любившего эффект Иоанна.

Тем не менее просказывалось, что Иоанн сознает опеку и тяготится ею. Но, как человек от природы крайне подозрительный, хитрый, скрытный и недоверчивый, он хранил в себе эти чувства и никому в том не высказывался. Трусливый и малодушный, он любил действовать в подобном случае строго обдуманно и наверняка. Так он поступил выжидательно в борьбе с Шуйским, так он поступил при объявлении восшествия на престол, – так он намерен был поступить и теперь.

К несчастью, обстоятельства способствовали начавшемуся охлаждению и даже распадению образовавшейся «избранной рады» с царицей Анастасией включительно.

Царь тяжко заболел. Дни его были сочтены. Отбиралась присяга на подданство младенцу Дмитрию, сыну Иоанна. Зная, что значит царствование младенца с боярами во главе, большинство «рады» было на стороне дяди царева, Владимира

Андреевича, и к этому большинству примыкали явно Сильвестр, отец Адашева и, видимо, Адашев.

Но воле Божией долженствовало совершиться, – царь выздоровел. Разумеется, царю доподлинно успели доложить, кто был за него и кто против него.

Воображение, всегда господствовавшее над нервным царем и теперь еще усиленное болезнью, нарисовало ему все ужасы, ожидавшие его семью в случае его смерти.

– Не дайте жены моей на поругание боярам, – говорит он Захарьиным и другим верным своим советникам, – не дайте боярам извести моего сына, возьмите его и бегите в чужую землю.

Иоанном, опять, как и после московских пожаров и волнений, овладело чувство, которому он всегда готов был поддаться, чувство страха… «Это представление, несомненно преувеличивавшее опасность, с тех пор, кажется, всю жизнь не покидает царя», – говорит В. Ключевский.

Несмотря на открытое движение со стороны Сильвестра и Адашевых, Иоанн остался к ним наружно по-прежнему ласков и любезен. Мало того, хитрый и подозрительный Иоанн наградил Адашевых, дал первому звание боярина, а второму окольничего. Очевидно, до поры до времени он хотел усыпить в них тревогу, опасение и беспокойство, дабы впоследствии тем свободнее можно было захватить их.

Возможно, что и Сильвестр не всегда был осторожен и воздержан в советах и воздействии на Иоанна в своей роли наставника и руководителя. Так, он иногда не в меру вмешивался в домашнюю жизнь царя, стремясь вводить его образ жизни и время препровождения в известные рамки, указывая на умеренность в пище и питье, в супружеском сожительстве и проч. На каждом шагу он преподавал ему свои практические уроки: напоминая, увещая, а иногда преследуя его и «кусательными словесы»… Все это не могло не раздражать невоздержанного и необузданного Иоанна…

Но самое печальное во всем этом деле было наступление разлада между партией Сильвестра и царицей Анастасией. Анастасия видела в них людей преданных государству, готовых поплатиться за него жизнью, но зато и готовых пожертвовать государем в пользу государства. Поэтому с сей поры благоразумная царица была с ними, но не за них.

Иоанн между делами продолжал предпринимать путешествия по монастырям. Насколько эти путешествия были часты, видно из следующего разговора с Максимом Греком. По выздоровлении от болезни, Иоанн дал обет посетить Белоозерский монастырь св. Кирилла. В это путешествие он выехал с царицею и младенцем

Дмитрием. Заехав на пути в обитель св. Сергия, Иоанн пожелал повидать строгого подвижника, Максима Грека. Царь посетил его келию и, беседуя с ним, заговорил о своем путешествии.

«Государь, – сказал Максим, – пристойно ли тебе скитаться по дальним монастырям с юною супругою и младенцем? Обеты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездесущего не должно искать только в пустынях: весь мир исполнен Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность к небесной благости, то благотвори на престоле. Завоевание казанского царства, счастливое для России, было гибелью для многих христиан. Вдовы, сироты и матери избиенных льют слезы: утешь их своею милостию. Вот дело мирское».

Но Иоанн не хотел изменить обещания. Говорят, что Максим Грек предсказал потерю младенца Дмитрия, если Иоанн пустится в дальний путь, – и его пророчество оправдалось. Дмитрий в Москву более не возвращался.

Враги Сильвестровы были не только в мире, но и в обители. И никто так не сокрушил терпения Иоаннова и не толкнул к разладу с «избранной радой», как епископ Вассиан, живший тогда в Песношском монастыре.

Иоанн, желая лично познакомиться с Вассианом, который когда-то был любимцем отца его, Василия, зашел к нему в келию и завел речь об управлении государством.

Тогда Вассиан ему сказал:

«Если хочешь быть истинным самодержцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не слушаться. Тогда будешь тверд на царстве и грозою вельмож. Советник мудрейший государя неминуемо овладеет им».

Схватив и поцеловав Вассианову руку, Иоанн с живостью сказал:

«Сам отец не дал бы мне лучшего совета…»

Да, совет был ужасный. В первый раз Иоанн ясно и определенно сознал, что его ведут на помочах и его именем управляют.

И теперь, однако, Иоанн сумел скрыть свое решение – отделаться от своих советников и действовать за свой счет, хотя с этого времени мало-помалу начало уже прорываться стремление Иоанна действовать наперекор своим советникам.

Но пока была жива Анастасия, мир был сохранен.

В июле 1560 г. царица Анастасия тяжко занемогла, а 7 августа скончалась, оставив после себя сыновей Иоанна и Федора и дочь Евдокию.

Мало-помалу Иоанн начал отдаляться от своих советчиков – Сильвестра и Адашева. Адашев был послан в Ливонию; Сильвестр

же, видя к себе немилость царя, ушел в Кирилло-Белоозерский монастырь. Но врагам «избранной рады» этого было мало. Их обвинили в том, что они извели царицу Анастасию чародейством. Царь подал вид, что верит этому обвинению. Назначено было следствие. Сильвестр и Адашев просили позволения лично явиться на суд. Им это было не позволено под предлогом, что они могут околдовать царя. Их заочно осудили: Адашев был сослан в Дерпт, где смерть скоро прекратила его дни; а Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь.

Скоро и четвертый член «избранной рады», митрополит Макарий, сошел в могилу.

Теперь Иоанн остался один, на своей доброй воле, окружив себя помощниками и приятелями, подходящими по вкусам и характеру к его дурным качествам. Царь решил доказать боярству, что русские самодержцы изначала сами владеют царством, а не бояре и вельможи!..

Начался новый, самый ужасный, период не только царствования Иоанна Грозного, но и вообще существования России.

Иоанну было тридцать лет, когда он освободился от опеки «избранной рады». Теперь он достиг как физического, так и умственного полного развития.

По описанию Кубасова и Герсея, Иоанн Грозный был роста высокого, с широкой грудью и плечами, крепкими мышцами, красивой и величественной наружности; лоб у Иоанна был высокий, глаза серые, неприятные, нос длинный, вытянутый, усы длинные, вздернутые, голос зычный и неприятный. Это был настоящий скиф: быстр умом, кровожаден, не знал милосердия и во всем действовал своим разумом.

Как наследственник болезненной нервной системы, Иоанн еще с детства должен был проявлять черты характера, свойственные этим лицам. Как в детстве, так и теперь в нем рано проявились: замкнутость в себе, сосредоточенность, скрытность, усиленная наблюдательность ко всему окружающему (проф. Ключевский1 говорит по этому поводу: «Иоанн усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь»), недоверие, подозрительность, крайняя неустойчивость и переходы от одного состояния к другому, отсутствие крепкой привязанности, резкая раздражительность, еще более резкая вспыльчивость, чрезмерное самолюбие и самомнение, трусость и выжидательность, отсутствие прочной любви и привязанности, хитрость, жестокость, чувственная разнузданность, безмерная злость и кровожадность.

Это были отдельные черты его характера; но, кроме этого, он

мог быть тем человеком, какова его обстановка. При порядочной и доброй обстановке он мог выдерживать себя и быть порядочным и относительно добрым, – с злодеями, людьми разнузданными, распущенными и кровожадными – он мог быть царем их.

Иоанн не был по характеру человеком цельным, определенным. Кроме болезненных черт, – характера самобытного и ясно выкристаллизованного в нем не было. Он был эхом обстановки и окружающих людей. Окружали его с детства хищники и звери и подготовили в 13 лет волчонка, который публично разорвал Шуйских и их клевретов. Влиял на него мечтательный, увлекающийся и отчасти мистик митрополит Макарий и из Иоанна вылился фантазер и романтик, «царь по чину Владимира Мономаха». Стал он в кружке Сильвестра, Адашева, Анастасии и Макария и был царем правым, чистым, любящим и заботливым отцом. Стал при нем Федор Басманов и Малюта Скуратов и из Иоанна вышел убийца и кровожадный человек.

Иоанн, по характеру, была трость, колеблемая ветром. Трость крайне крепкая и упругая, – но поддающаяся ветру. Это был человек с чрезмерной энергией, сильным своеволием, бесконечной деятельностью, но без определенных убеждений и стойкого характера. Он быстро увлекался и еще быстрее приводил в исполнение свои увлечения, хотя бы ему после этого приходилось и каяться. Под влиянием людей с ясным и прочным убеждением и характером он мог быть незаменимым человеком. Не имея своего собственного, он выполнял чужое с такой энергией, с какой не выполнил бы дела и создатель его. Вот почему при Шуйских и Вельских он разъяренный волчонок, при Макарии – чистый и непорочный романтик, при Сильвестре – образцовый конституционный царь, проводящий самодержавные принципы, – при Малюте Скуратове дикий зверь.

В его душе не было ни Бога, ни любви к родителям, ни любви к детям, ни любви к ближним, ни любви к родине. По существу он был ханжа: днем нигилист, а ночью молящий Бога о спасении до завтра. Отец – в черном клобуке убивающий своего сына. Престарелый человек – пред смертным одром заигрывающий с своей невесткой. Царь – ищущий жительства в Англии. Друг – казнящий Воронцова, ссылающий Сильвестра и Адашева и истязающий Вяземского и Басмановых. Отец отечества – выжигающий целые города дотла… Во всем его характере масса противоречий, неустойчивости, несостоятельности и несамостоятельности. Подобно характеру, такой же неустойчивый, неопределенный и невыдержанный был и ум Иоанна.

Как и у многих других вырождающихся, способности Иоанна были довольно острые. Он легко мог воспринимать и усвоять знания. Мог многое запоминать и знать. Запас его сведений и знаний был обилен и о нем можно сказать, что по своему образованию для того времени он был человеком с блестящим образованием.

Гораздо обширнее и мощнее, чем умственные способности, у Иоанна были развиты фантазия и воображение.

Но и здесь проявилось то, что делается у большинства дегенератов, – подчинение его ума воображению и картины фантазии не дополнением служили к его знаниям, а сами знания были материалом для воображения и фантазии; Иоанн жил не логическими выводами ума, а построениями воображения и фантазии. Но так как последний способ душевной деятельности не всегда применим к жизни, то весьма многое переживалось в нем самом и только отдельные частицы этого сокровенного мира проникали в жизнь.

> «Этот первый московский царь не обладал от природы практическими свойствами ума, а имел в избытке воображение и чувство, подавлявшие в критические моменты его волю»
>
> *(Фирсов)*.

С раннего детства оставшись круглым сиротой и одиноким, Иоанн все переживал в своей головке сам. Даже если бы он не получил по наследству склонности к одиночеству, фантазированию и воображению, то, уже в силу жизненной обстановки, он должен был бы стать таким. В дальнейшем своем образовании он опять был предоставлен самому себе. По естественному влечению натуры, он набросился на историю, – историю церкви, историю государств и историю России. Здесь он выбирал для себя те моменты, которые были наиболее симпатичны его фантазии и воображению.

Понимая, что он самодержавный, Иоанн невольно в истории приковывался к лицам самодержавным, властным и могущественным. Ежеминутно и ежечасно оскорбляемый и уязвляемый именно в существе своего единодержавия, Иоанн невольно создавал себе планы и образы фантазии – как он станет самодержавным и что он для этого сделает. Если бы это воспитание и самообразование имело поддержку не в Макарии, а в Шуйских, то из него вышел бы не Иоанн 17-летний, а Иоанн 30-летний, который начал бы свое царствование поголовным избиением бояр и князей.

Усвоив массу фактов, заучив множество текстов священного писания и отцов церкви, Иоанн остается, однако, ходячей библиотекой, не умея привести всего этого в строго логическую систему и сделать из них надлежащих выводов для правильного пользования.

Указывают на сочинения Иоанна, как на блестящее доказательство его недюжинного ума. Это едва ли будет вполне беспристрастно и справедливо. В его сочинениях мы видим набор фактов, нанизывание блестящих и остроумных чужих фраз, удачные обороты, но и только. Все его сочинения полемического характера. Во всех них видно одно – желание показать свою начитанность и свой блестящий ум. Первого он достигает, второго – ничуть. Нигде мы не видим строго проведенной мысли и логически связанных рассуждений. Всюду отрывочность, непоследовательность, а во многих местах нелогичность и даже бессмысленность.

Его сочинения – точное изображение его ума: множество фактов, фактов ценных и доказательных, – и немощь мыслительная, – неуменье привести их в связь, неспособность воспользоваться ими, отсутствие логики и строгих выводов. Его знания – особо, а мышление – особо. Одни посылки его мышления правильны, другие вымышлены, ошибочны и ложны. Твердо определенных взглядов, ясно выраженных воззрений, строго проведенных убеждений у него нет. Пред ним картины прошлого. Он их облюбил. Он их поставил своим идеалом. Он их переживает в своей фантазии. Но осуществить их немощен.

Нужно, чтобы кто-нибудь другой дал ему мысль и тогда он бодро и энергично ее исполнит и осуществит. Замечательна в этом отношении одна особенность мышления этих людей; они ходят около вывода, они его предчувствуют, – но не могут его сформулировать. Подставят им эту готовую формулу и они ничего в ней не видят нового. Так и должно быть. Это и их личный взгляд. Поэтому им не кажется, что этот взгляд есть чужой, им навязанный. Они думают, что это их собственная мысль, и потому бодро и энергично выполняют ее, нисколько не сознавая ее иностранного происхождения. У этих людей существует недочет сознания собственной несостоятельности в образовании выводов и неспособность сознания давать отчет, что они чужое присваивают себе и пользуются им, как своей собственностью.

Таков был и Иоанн. Обладая множеством отдельных сведений, он не умел из них делать надлежащих выводов. Окружающие легко пользовались этим состоянием повелителя. Они свободно проводили свои взгляды, и Иоанн бессознательно

их усвоял и с энергией отстаивал и проводил. Долго он этого не замечал, и еще дольше он этого не сознавал. Он уже чувствовал гнет чужой власти над собою, но не умел этого ясно выразить. Нужен был Вассиан, чтобы царь сознал, что царит не он, а Сильвестр и Адашев…

Что касается действий и поступков царя, то они являлись естественным следствием внушений его советников и приближенных.

Наш вывод тот, что тридцатилетний царь в умственном отношении представляет собою безвольность, подобную гипнотическому состоянию. Окружающие являлись гипнотизерами без гипноза. Безвольный царь являлся бессознательным, но энергичным и ярым исполнителем их внушений. У него недоставало ни способности самостоятельно действовать, ни сознания собственного бессилия и подчиняемости чужому внушению.

Вместе с тем для неимоверно самолюбивого царя не было большей обиды, как указание, что им вертят, как марионеткой.

Преосвященный Сергий так характеризует это состояние царя Иоанна. «Причиною разрыва (Иоанна с Сильвестром) было властолюбие, своенравие и злость Иоанна. Подобные личности недолго привязываются к тем людям, которые имеют на них влияние, и вообще не любят последних. Они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что действуют по своему усмотрению: когда же какой-либо случай открывает им глаза и они увидят, что их держали в узде, почуют унизительность своего положения, то ненавидят тех, которые управляли ими» и это будет «ненависть глубоко затаенная, мстительная, свойственная одному непомерному своенравию и властолюбию».

Вот почему самодержавный Иоанн решил избавиться от своих советников, – избавиться потихоньку и помаленьку, умненько и без опасности для себя. Так он и сделал. Составив план еще после своей болезни, он привел его в исполнение только по смерти Анастасии…

И вот избавившись от этой «избранной рады», Иоанн решил действовать самостоятельно, за свой страх и совесть.

Но, разумеется, такое решение даря было призрачным и обманчивым. Не мог он жить самодержавным. Неспособен он был существовать без помочей. У него был органический минус. Этот минус для цельности и единства должен был быть пополнен недостающей величиной. Какова она – это безразлично: сегодня А, завтра В, после завтра С и т. д. Эквивалент безразличен, но он должен быть.

Сильвестр и Адашев отошли. Их место заняли другие лица.

Минус выполнен новым эквивалентом.

Вместо Сильвестра явился Малюта Скуратов, вместо Адашева – Алексей Басманов, вместо Макария – Василий Грязный и вместо Анастасии – Федор Басманов.

Царь, до сих пор сдерживаемый строгонравственным Сильвестром, деловитым Адашевым и любящей Анастасией, обрадовался своей свободе и зажил во всю свою волюшку. Вырвавшись из-под опеки, Иоанн предался разгулу во всю ширь. «Ему захотелось полного произвола, – говорит Аксаков, – не сдержанного ничем, никакими нравственными узами; а человек, лишенный нравственного сдерживания, именно тогда наслаждается своим произволом, когда он делает вещи непозволительные, беззаконные, неслыханные, невероятные. Нарушение всех законов Божеских и человеческих составляет потребность и наслаждение необузданного произвола. Таким стал Иоанн…»

«Забушевали чувственные и властолюбивые страсти, – все внутренние и внешние силы, всю энергию и деятельность отдал он одной борьбе с действительными, а больше призрачными препятствиями к осуществлению своей заветной идеи самодержавия, из него выходит чудовище разврата и произвола, каким он был в миниатюре и в отроческом своем возрасте», – говорит Епископ Сергий.

Дворец стал тесен для овдовевшего царя. Детей Иоанна, брата Юрия и казанского царя Александра выселили в особые дома. Во дворце начались кутеж, разгул, игры, потехи и безобразия. «Самая пристойность считалась непристойною». Старые вельможи, привыкшие к воздержанию, приличию и порядочности, должны были или подчиняться новым порядкам, или же терпеть наказание и издевательство. Князь Репин, присутствовавший на одной из таких оргий, невольно заплакал от горести. Иоанн хотел лично на него надеть маску. Репин вырвал ее, растоптал ногами и сказал:

«Государю ли быть скоморохом?… По крайней мере я, боярин и советник думы, не могу безумствовать».

За такую дерзость Репина изгнали, а затем по приказанию царя умертвили в церкви на молитве.

Нынешние царедворцы заслужили симпатию царя дурными своими качествами. Они служили царю в его пороках и угождали в страстях. Соединившись с монахами, обладавшими удобостяжимою совестью, как, напр., Чудовский Архимандрит Левкий, они употребили все меры к тому, чтобы затушить робкую совесть царя.

Вино, распутство и животные страсти взяли перевес над

слабым рассудком. Забыв для виду горячо оплакиваемую супругу, Анастасию, Иоанн предался удовлетворению грубых страстей, а на восьмой день по кончине Анастасии объявил, что он будет искать новую невесту в лице сестры польского короля Екатерины.

Нашлись и утешители, которые не боялись и не стыдились уговаривать его – забыть свою жену, с которой жил тринадцать лет. И жестокосердный Иоанн не только не видел в этом оскорбления, а, напротив, оправдание своему малодушию и присущему ему разврату.

Люди прежнего закала не могли смотреть на разгул царя с приветом и лаской. Невольно омрачилось лицо их, смотря на эти злодеяния. Да и каждый из них невольно думал, что-то будет завтра? Что-то будет и со мною?

А клевреты царя не пропустили и этого случая – спустить недовольных, устранить людей, одно присутствие которых могло служить укором еще не заснувшей совести царя. Они указывали на печальные лица бояр и шептали:

«Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут Адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольства».

Такие речи растравляли Иоанново сердце, взор его мутился и из уст вырывались грозные слова. Прежде всего началось гонение на всех родственников и ближних Адашева. У них отнимали имущество, а самих ссылали в ссылку. Так пострадала некая Мария, которую обвиняли в связях с Адашевым и намерении чародейством извести царя. Ее казнили вместе с пятью сыновьями. В том же обвинили прославившегося воинскими доблестями в Казанских походах брата Адашева, Данила, с двенадцатилетним сыном, – трех Сатиных, сестра коих была за Алексеем Адашевым, и родственника его Ивана Шишкина с женою и детьми, – а равно всех их и казнили. Князь Дмитрий Оболенский-Ов-чинин, обиженный надменностью приближенного Иоанна, Федора Басманова, сказал: «мы служим царю полезными трудами, а ты гнусными содомскими делами»… Федор Басманов нажаловался царю. Разъяренный царь за обедом собственноручно вонзил несчастному князю нож в сердце.

Видя такое настроение Иоанна, явилась масса доносчиков, желавших гибелью других создать себе положение и благосостояние. Тем более что Для подозрительного и разъяренного царя теперь достаточно было одного доноса без доказательств. Так без суда казнили князя Юрия Кашина, а князя Дмитрия Курлятева сначала постригли в монахи, а потом убили со всем семейством; знаменитого ратными подвигами и на деле доказавшего свою преданность Иоанну и его дому, победителя

казанцев, князя Михаила Воротынского с женою, сыном и дочерью сослали в Белоозеро. Победителя крымцев, боярина Ивана Шереметева, засадили в темницу и заковали в кандалы. К нему лично явился Иоанн с допросом: где хранится его казна?

«Государь, – отвечал боярин, – я руками нищих переслал ее к моему Христу Спасителю».

На этот раз его выпустили из темницы; но через некоторое время его сослали в Белоозерскую пустынь. Но и строгие уставы этой пустыни не спасли воеводу от милостивого внимания Иоанна…

Брат Ивана Шереметева, Никита Шереметев, был удавлен.

Кровь лилась в темницах; в монастырях стенали жертвы; «но… тиранство еще созревало, настоящее ужасало будущим», – говорит Карамзин.

Явившаяся под влиянием злоупотребления вином, нравственной разнузданности, разврата, содомии, разгула и беспорядочной жизни – подозрительность не унималась казнями и кровью. Напротив, она разгоралась и усиливалась, порождая жажду крови и напряжение свирепости. Лившаяся кровь затмевала рассудок и приводила разнузданного и расслабленного Иоанна в состояние безумия.

Любопытно желание Иоанна примирить свои бесчеловечные жестокости с религиозною трусливостью и ханжеством. Желая себя обелить то в собственных глазах, то в глазах своих подданных, он изыскивал различные оправдания на этот счет. Так, раз он объяснял свои лютости правосудием, объявляя, что бояре злоумышляли против него, а следовательно и против Церкви, и против Христа – и были изменниками веры и отечеству. Другой раз он смиренно каялся и винился пред Богом и людьми, называя себя гнусным убийцею невинных, и утешал себя тем, что он посылал по церквам даяния на поминовение умерших. Вместе с сим он надеялся со временем отмолить свои грехи, когда он оставит государство, поступит в мирную Кирилло-Белоозерскую обитель и сподобится чина ангельского. Разумеется, это раскаяние имело чисто формальный характер, принимая вид обмана людей, самообмана, а может быть, и попытки обмана Высшего Существа…

Мы говорили, что уже на 8-й день по кончине Анастасии Иоанн высказал намерение жениться на сестре польского короля Екатерине; однако брак этот не состоялся. Иоанн не получил отказа, – но вместе с этим установились между Россией и Польшей такие взаимные отношения, что о браке этом нельзя было помышлять. Тогда Иоанн решил взять себе в жены дочь Черкесского Пятигорского князя Темрюка, которая во Святом

Крещении была названа Марией. Нехорошие отзывы дает о ней история. Эта царица не была матерью отечества. Красавица по наружности, она была дикого нрава, жестокая душою и вместо того, чтобы удерживать царя от кровожадности, она еще более его к тому побуждала. Да и Иоанн был уже не тот. Искусившись в разгуле, разврате, нравственной разнузданности и содомии, он не мог уже быть верным супругом своей жены. В нем заговорили болезненные инстинкты, бороться с которыми в настоящее время едва ли было бы под силу и Сильвестру, а не токмо Малюте Скуратову и Федору Басманову… Если Мария не могла пленить души Иоанна, зато любимцем его сделался брат ее, Михайло, – человек необузданный и развратный…

При таком новом направлении жизни и нравов царя, князьям и воеводам невольно приходилось задуматься – что им делать и как им быть? Видимо было, что знатное происхождение, воинские доблести, верная и честная служба отечеству, чистый нрав и беспорочная жизнь людей являлись главными поводами к обвинению в государственном преступлении с последующим наказанием – пытка, позорная смерть и ограбление имущества.

Этот вопрос особенно насущным являлся для тех князей и бояр, которые недавно перешли по доброй воле из царства польского и Литвы под власть Московского Государя. Для них оставалось одно – покинуть русское подданство и вновь возвратиться в подданство Польши или Литвы. Приходилось выбирать между бессмысленною смертью и временным унижением. Последнее, однако, очень сглаживалось и усиливалось полною готовностью польского короля дать не только приют беглецам, но и пособие, ибо с их помощью он рассчитывал взять перевес в войне с Россией.

Первый пример перехода в Польшу показал князь Дмитрий Вишневецкий. Он только недавно и поступил в русское подданство, преследуя одну мысль и цель – нанести удар крымским татарам. Видя, однако, невозможность осуществить свою задачу и переживая тяжкие моменты жизни московского царства при болезненно подозрительном и бесконечно кровожадном и жестоком царе, он решил возвратиться вновь в подданство Польши. Вслед за Вишневецким бежали в Литву Алексей и Таврило Черкасские. Вслед за ними бежал в Польшу знаменитый воевода князь Андрей Курбский.

Все эти бегства окончательно вывели Иоанна из себя. Болезненно самолюбивый, бесконечно трусливый и безгранично подозрительный, Иоанн многое видел в этом. Больше всего страшило в этих бегствах Иоанна то, что его обесславят вне пределов его царства. Он мог бы перебить дома не только весь

род Вишневецких, Черкасских и Курбских, – но в тысячу раз большее количество их, – но это было дома. Никто не будет об этом знать. Никто не разболтает вне дома о его жестокостях, бессудии, разврате и кровожадности. А эти выходцы все разболтают, да еще, пожалуй, и прибавят, – хотя в последнем едва ли даже была нужда…

Болезненно подозрительный, он видел в этом бегстве указание и доказательство воображаемого и измышленного им же заговора со стороны бояр и князей против его жизни.

> «Желая сломить неповиновение правящих классов, *вывести измену из каменной Москвы,* Иоанн, несомненно, преувеличивал боярские *крамолы.* Строго говоря, и неповиновения не было… Иоанн же вообразил, что против него бояре составляют заговоры, стремясь уничтожить все его семейство»
>
> *(Фирсов).*

Наконец, трусливый царь боялся, чтобы эти беглецы не открыли польскому королю слабых сторон военного дела России и не направили бы Сигизмунда на верный путь победы над Россией.

Все это еще больше подогрело зверство и кровожадность царя против князей и бояр.

С этих пор царь положил брать поручные записи с бояр в том, что они не будут бежать в Литву, и усилил до крайности надзор за всеми боярами в смысле том, не собираются ли они сбежать. Особенно настойчиво брались записи с сыновей и внуков удельных русских князей, которые перешли в Московское княжество из Литовского, как князья Глинские, Вельские, Мстиславские, Воротынские и проч.

Несмотря на это, бегство продолжалось. Бежали уже не только знатные люди, но и менее важные. Бежали в Литву первые московские типографы – Иван Федоров и Петр Мстиславцев, бежали многие дворяне и дети боярские.

Видя такое настроение лучшего московского общества, польский король Сигизмунд нередко сам старался сманивать лучших бояр из Москвы, обещая им почести и богатые наделы. Так, обнаружена была подобная переписка у Вельских и у других. Даже братья царицы Марии, по нраву весьма близкие к Иоанну, тоже не выдержали и также бежали.

Тогда Иоанн придумал новое средство – за подозреваемых лиц отбирать денежное поручительство от их близких, причем самые суммы поручительства для того времени были довольно значительных размеров.

Видя вокруг себя всюду явных и тайных врагов, страдая вполне сформированным бредом преследования, Иоанн обратил свое милостивое внимание на близких своих родных. «Для Иоанна враг, и опасный враг, существовал в его воображении, – и он всюду видел небывалые заговоры и умыслы против него», –

говорит Аксаков.

По простому доносу своего слуги, обвинен был в дурных замыслах двоюродный брат Иоанна Владимир Андреевич и его мать Ефросинья. Только заступничество митрополита Макария на этот раз спасло князя.

Из предосторожности отобрал Иоанн у него бояр, детей боярских, дьяков и стольников и назначил на их места своих. Княгиня Ефросинья приняла монашеский чин, поселившись в Воскресенском монастыре. К ней для «сбережения» приставлены были два государевых чиновника. Чрез некоторое время царь отобрал у Владимира Андреевича некоторые его волости и взамен этого назначил ему свои. Скоро умер брат царя Юрий. Его жена также поступила в монастырь и постриглась под именем Александры.

При таком широком избиении бояр больным царем на Руси, однако, нашлись еще люди с воинскими доблестями. Тринадцатилетнее управление государством Сильвестра и Адашева создало людей и военных и гражданских, уничтожить которых было не так легко.

Несмотря на разгул и разнузданность при дворе, несмотря на смуты и беспорядочность внутри государства, военные дела России продолжали быть блестящими. Ливонский орден кончал свое существование. Крым очень побаивался России. Швеция вынуждена была делать уступки России. Польша понесла значительный урон. Боевые люди не перевелись еще на Руси и войско еще не было расстроено.

Но и в войне Иоанн проявил себя бессмысленно жестоким. Так, взят был Полоцк. Отпустив поляков из города с миром, он приказал перетопить в Двине всех евреев с их семьями и перебил всех бернардинских монахов.

Вообще Иоанн имел против евреев зубок…

Расслабленный развратом, пьянством и бессонными ночами, истощенный содомией, имея вокруг себя бегство воевод и бояр, натравляемый и напугиваемый окружающими, устрашенный нашествием поляков и крымцев, – Иоанн проявил ярко выраженную душевную болезнь. У него развился бред преследования в полном смысле слова. Все вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского. В печальных их взорах он усматривал предательство, – в их молчании он слышал укоризны и угрозы. Царь жаждал доносов. Царь требовал доносов. И самые бесстыдные клеветники не удовлетворяли его хотений, ибо образы его больного состояния неизмеримо превышали все эти доносы. Ему нужны были новые жертвы. Ему нужна была кровь рекою и убийства повальные…

С этой поры начинаются деяния человека, не предрасположенного только к заболеванию, а уже формально душевнобольного. Его действиями руководят уже не одни только жизненные обстоятельства, но и плоды его больного воображения и больной фантазии.

Иоанн задумывает новое дело, поразившее всех своею необычайностью и выдавшее с руками и ногами не только бояр и вельмож, но и все государство.

В 1564 году разнесся слух, что Иоанн уезжает, а куда – неизвестно. Приказано было собирать из городов в Москву с женами и детьми дворян, детей боярских и приказных людей, по именному, однако, указанию. Когда собран был такой сбор, Иоанн явился туда и объявил следующее:

Ведано ему стало, что многие в государстве не терпят его и не желают, чтобы царствовал он и его наследники. Существуют лица, которые злоумышляют на его жизнь. Того ради он намерен отказаться от престола, а власть передать всей земле. Говорят, что с этими словами Иоанн сложил свою корону, жезл и царскую одежду (Костомаров).

На другой день со всех церквей и монастырей привозили Иоанну образа. Иоанн кланялся пред ними, прикладывался и принимал от духовных лиц благословение. Засим несколько дней и ночей Иоанн разъезжал по церквам и монастырям, продолжая свое прощанье.

3 декабря в Кремль переехало множество саней. Из дворца выносили и укладывали все драгоценные вещи. Всем прибывшим из городов Дворянам и детям боярским приказано было снаряжаться в путь царем. Отобрано было несколько человек из бояр и дворян московских. В Успенском соборе была отслужена обедня, после которой царь принял благословение от митрополита, допустил бояр и прочих присутствующих к целованию руки, засим сел в сани с царицей и детьми и уехал. Приближенные царя и вооруженные избранные люди последовали за ним.

Москва осталась без владыки и царство без царя. Все были поражены и никто не знал, что придумать и как все это объяснить. Можно было предугадать, что добром дело не кончится. Невольно все живущее пожалело, что оно народилось на свет, ибо каждый не был уверен, что дни его не сочтены.

Царь направился в Александровскую слободу и четыре недели ничего не было известно, что он намерен предпринять.

3 января чиновник Константин Поливанов привез от царя грамоту ко дворянам и боярам.

Царь прежде всего, по обычаю, описывает все мятежи,

неустройство и беззакония времен боярского управления, – хищение вельможами и приказными казны, земель и поместий государевых, – радение со стороны бояр только о себе и собственном богатстве, а не об отечестве… Вместе с сим царь добавляет, что дух этот не изменился и теперь. Бояре не перестают злодействовать и теперь. Воеводы не хотят быть защитниками христиан, бегут со службы, помогают хану, литве и немцам разорять Россию, – если же государь, побуждаемый правосудием, объявит гнев свой праведный на сих недостойных бояр и служащих, то является на сцену митрополит и духовенство, которые заступаются за них, грубят царю и противодействуют. «А посему, – пишет царь, – не хотя терпеть ваших измен, мы, от великой жалости сердца, *оставили государство и поехали, куда Бог укажет нам путь».*

Итак, царь отказывается от престола и даже оставляет государство. Так, по крайней мере, явствует из грамоты к духовенству и боярам.

Вслед за сим получена была новая грамота – к купцам, гостям и мещанам… Однако не такой вывод следует из этой второй грамоты. В этой грамоте царь чернил перед толпою народа весь служилый класс и даже духовенство и тем самым выдавал народу на суд и бояр и духовенство. Царь уверял народ в своей милости, что опала и гнев его не касаются.

Царь делит царство на ся. Меньшинство он выдает головою большинству и вооружает одни классы против других…

Война с соседями, внутреннее замешательство, отсутствие руководящей власти, опасение междоусобицы, восстановление народа на людей служилых, – все это невольно потрясло всех до глубины души.

Народ весь возопил.

«Государь оставил нас! Мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменниками? Как могут быть овцы без пастыря?»

Духовенство и бояре, не видя для себя никакого исхода и каждый в отдельности памятуя, что, быть может, мимо идет его чаша общая, присоединились к народу, прося митрополита отправиться к царю с молением:

«Пусть царь казнит лиходеев. В животе и смерти его воля, – но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный, иного не ведаем. Мы все с своими головами едем с тобою бить челом государю и плакаться».

А народ кричал:

«Пусть царь укажет нам своих изменников, – мы сами истребим их!»

К царю послали посольство. Поехали: архиереи, архимандриты, вельможи, князья, бояре, окольничие, дворяне, приказные люди, гости, купцы и мещане – бить челом государю и плакаться.

Царь добился того, что вся земля русская выдавала ему не только князей и бояр, не только всю самую себя, – но и предлагала своими руками уничтожить всех его нелюбимцев. Последнее было, впрочем, напрасно, ибо царю немалое удовольствие доставляло собственноручное истязание своих верноподданных.

Несмотря на то что посольство было более чем почетное, его, однако, не сразу пустили к царю. В Слотине епископы остановились и просили разрешения у царя предстать пред его ясные очи. Царь позволил, и святители, в сопровождении приставов, прибыли в Александровскую слободу.

Передав царю благословение митрополита, епископы слезно молили его снять опалу с духовенства, дворян и приказных людей, – не оставлять государства, – царствовать и действовать как ему угодно. Молили епископы царя и о том, дабы он дозволил предстать и боярам пред его ясные очи.

Царь снизошел и к боярам. Явились и бояре и, разумеется, вели ту же речь.

На речи, подумав, царь отвечал:

– С давних времен и даже до настоящих лет, русские люди были мятежны нашим предкам, начиная от славной памяти Владимира Мономаха, пролили много крови нашей, хотели истребить достославный благословенный род наш. По кончине блаженной памяти родителя нашего, готовили такую участь и мне, вашему законному наследнику, желая поставить себе иного государя, и до сих пор я вижу измену своими глазами. Не только с польским королем, но и с турками и с крымским ханом входят в соумышление, чтобы нас погубить и истребить. Извели нашу кроткую и благочестивую супругу, Анастасию Романовну, – и если бы Бог нас не охранил, открывая их замыслы, то извели бы они и нас с нашими детьми. *Того ради,* избегая зла, *мы поневоле должны были удалиться из Москвы, выбрав себе иное жилище и опричных советников и людей…*

В этих словах слишком явно выступает причина бегства из Москвы: бред преследования в довольно резко выраженной форме. Иоанн меняет место жительства, Иоанн меняет и опричных советников и людей… «Но для отца моего, митрополита Афанасия, для вас, богомольцев наших, архиепископов и епископов, соглашаюсь вновь взять свои государства, – а на каких условиях – вы узнаете…»

Условия же сии состояли в том, что Иоанн окружит себя особо выбранными «опричными» людьми, которым бы он мог доверять и при посредстве коих мог бы истреблять своих лиходеев, выводить измену из государства и невозбранно казнить изменников опалою, смертью, лишением достояния, *«без всякого стужания, без претительных докук со стороны духовенства».*

Вельможи и духовенство со слезами на глазах благодарили Иоанна за неизреченную милость – первые за то, что отныне они все обречены на поголовное избиение, а вторые за то, что лишены были своего высокого и неотъемлемого нравственного права – ходатайствовать пред престолом за невинных и несправедливо осуждаемых слуг престола и отечества. Теперь духовенство могло только слезами орошать алтари и воссылать теплые молитвы к Господу о спасении несчастных, безвинно погибающих.

3 февраля 15 65 года Иоанн явился в Москву и держал речь знатнейшим представителям земли русской, Вновь и вновь он излагал вины бояр и указывал на необходимость энергичных мер к истреблению крамолы для удержания спокойствия подвластной ему державы.

При этом Иоанн поведал совершенно неожиданные и необыкновенные речи, являющиеся прямым и естественно-логичным выводом из его болезненных мыслей о преследовании. Все русское государство отныне делится на две части: на *опричну* и *земщину*. Опрична – это его присные, особо избранные люди, имеющие особое исключительное назначение охранять его от врагов и лиходеев, – опрична – это его двор, его свита, его телохранители. Земщина – это все остальное государство. Во главе опричны стоял он сам, во главе земщины стояли бояре Вельский и Мстиславский.

Кремль отныне Иоанн не считает для себя безопасным. Он велит себе строить новый дворец за Неглинной и ограждает его, подобно крепости, рвами и высокими стенами.

Все государственные дела были поручены усмотрению земских бояр и только по важным из них земские бояре могли делать доклады Иоанну.

Сам же Иоанн занялся устройством охраны своей, опричны, и изведением своих лиходеев.

Не можем не упомянуть о том, что в этот момент произошли резкие перемены во внешнем виде Иоанна. Прежде высокий, стройный, крепкий, мощный и цветущий, он резко изменился. Теперь он неузнаваемо постарел, подряхлел и осунулся. На лице выразилась мрачная свирепость. Взгляд угас; *а на голове и бороде не осталось почти ни одного волоса.* Такую необыкновенную перемену историки приписывают тем тяжким нравственным

страданиям, которые Иоанн переживал в эти минуты. Но мне более вероятным кажется предположение Костомарова, что такой перемене в его организме много содействовала его развратная жизнь и неумеренность во всех чувственных наслаждениях. Принимая во внимание его предсмертную болезнь, невольно напрашивается предположение, что в данном случае имели влияние не только нравственная разнузданность, содомский грех, бессонные ночи, разгул и разврат, но и последствия всех сих деяний с сопряженными с ними болезнями.

Все это вместе взятое может не только укрепить и развить хранящиеся в организме задатки Душевной болезни, но и создать новую в организме до того крепком, мощном и не подверженном путем наследственности заболеванию и вырождению.

Опричники набирались лицами, приближенными к царю, и его доверенными, каковы были: Басмановы, Мал юта Скуратов, Вяземский и Друг.; выбирал же опричников сам Иоанн. Для этого годились молодые люди, отличавшиеся Удальством, распутством и готовностью на все.

Иоанн предлагал им вопросы об их происхождении, друзьях и покровителях. Одно из важных условий поступления в опричну – отсутствие всякой связи с боярами. Неизвестность и самая низость происхождения считались достоинством. Сначала предполагалось, что опричников должно быть только 1000, но затем это число разрослось до 6000. Опричники набирались из дворян и детей боярских. На их содержание шло имущество, отобранное у земщины и осужденных бояр. Кроме того, им раздавались поместья и вотчины людей земщины, которым ныне приходилось покидать свои пепелища. Благосостояние опричны стояло в обратном отношении с благосостоянием земщины. У земщины отнимали не только земли, но даже дома и все движимое имущество. Случалось и так, что их в зимнее время высылали пешком в пустые земли. Таких несчастных было более 12 000 семейств.

Новые землевладельцы, опричники, опираясь на особую милость царя, дозволяли себе всякие беззакония и произвол над крестьянами, обрабатывавшими их землю, и доводили их до такой бедности и разора, как бы на этом месте прошла неприятельская армия.

Назначение опричны было охранять царя от его лиходеев. Поэтому лица, вступающие в опричну, давали царю особую присягу. При этом они обязывались не только доносить царю обо всем, что они услышат о нем дурного, но и не иметь никакого дружеского сообщения с земщиной, – не есть и не пить с земскими людьми, не знать ни отца, ни матери, – знать же

единственно только государя. Им, по словам летописца, вменялось даже в обязанность насиловать и предавать смерти земских людей и грабить их имущество.

При таком положении дела какие деяния насилия, грабежа, позора, бесчестья и произвола покажутся для нас удивительными? Земщина была отдана на съедение опричны. Суд между земским обывателем и опричником был скорый, хотя неправый, ибо никто не смел осудить опричника. Земщина теряла свои земли и имущества, жены и дети ее шли в кабалу, а сами они в холопы. Благодаря этой новой охране, как картинно выражается по этому поводу проф. К. Н. Ярош, «кровь брызнула повсюду фонтанами и веси огласились стоном».

Чтобы быть угодным царю, опричник должен быть свирепым и бессердечным к земщине. Всякому доносу опричника давалась вера. Всякое проявление сострадания со стороны опричника к земщине считалось царем преступлением, наказуемым отнятием поместья, пожизненным заключением и даже смертью. Обидеть опричника – значило совершить уголовное преступление, наказуемое смертью. Опричник был господин, – земщина бесправные рабы. Если в таком положении находился земский имущий класс, то в еще горшем состоянии были крестьяне.

Вместе с опричной царь при дворе завел новые должности: дворецкого, казначеев, ключников, даже поваров, хлебников и ремесленников. На содержание двора он отвел известные города царства. В самой Москве он отделил известные части города для себя, – остальное же составляло владения земщины.

Наконец, царь взял с земщины контрибуцию в 100 000 рублей.

Такова была воля царя, которому отдавало себя головою государство, – и кто осмелился бы возразить против этого!..

Так, возвратившись вновь в свои государства и избавившись от докучных заступничеств духовенства за неправедно истязаемых бояр, Иоанн принялся за новое искоренение своих лиходеев и за казнь бояр.

Казнили мнимых сообщников изменника Андрея Курбского и первым в этом отношении пал воевода Горбатов-Шуйский со своим сыном. За ними последовали на казнь шурин Горбатого, Петр Ховрин, окольничий Головин, князь Иван Сухой-Кашин и князь Горенский, – а князь Шевырев посажен на кол. Бояр Куракина и Немого постригли в монахи, – у многих дворян и детей боярских отняли имение, – других с семействами сослали в Казань. Близкий родственник царицы Анастасии, боярин Яковлев, также подвергся опале, но его царь помиловал, взяв клятвенную грамоту, подписанную архиереями, что он не уйдет из России ни

в Литву, ни к папе, ни к императору, ни к султану, ни к князю Владимиру Андреевичу, – а равно не будет состоять с ними и в тайных сношениях.

Бояре Лев Салтыков, Василий Серебряный, Иван Охлябинин, Захарий Плещеев должны были представить ручательство в неизменной службе царю, причем поручители отвечали большими суммами денег.

Изъявив свою волю, на которой он оставался царем, расправившись с лиходеями и сделав распоряжение относительно постройки нового дворца, Иоанн отбыл в Александровское село, ставшее отныне его любимым местопребыванием.

Александровская слобода представляла собой городок. В ней было много церквей, красивых домов и каменных лавок. Храм Богоматери блистал снаружи серебром и золотом, на каждом кирпиче было изображение креста.

Царь жил в особых хоромах, обнесенных рвом и валом. Его свита помещалась в особых домах. Опричники жили в своей улице, купцы – в своей. Александровская слобода окружена была стражей и никто не смел проникнуть туда без ведома и разрешения царя.

Терзаемый подозрениями, бредом преследования и тесно связанными с ними болезненными образами своей фантазии и воображения, Иоанн искал утешения своим мукам в религиозной обрядности. Всю свою жизнь и обстановку он расположил соответственно своему болезненно-религиозному настроению. Самый свой дворец он обратил в монастырь, опричников в монахов, а себя произвел в игумены. Игумен окружил себя братнею из самых злейших опричников в 300 человек. Вяземского он сделал келарем, Малюту Скуратова параклиссиархом. Всю эту братию Иоанн одел в тафьи или скуфейки и черные рясы, под коими были прикрыты расшитые золотом блестящие кафтаны с собольей опушкой. У седел этой братии, при царских выездах по государству, висели метла и собачьи головы, как символ того, что они призваны мести Россию от сора и грызть царских лиходеев.

Иоанн дал этой братии, с монашеским платьем и звериными сердцами, особый монастырский устав. Жизнь в Александровской слободе располагалась так: в четвертом часу утра царь с царевичами и Малютою Скуратовым ходил на колокольню благовестить к заутрене. Чернецы спешили в церковь. Кто не являлся ~ бывал наказан восьмидневным заключением. Служба шла до шести-семи часов утра. Царь пел, читал и молился столь ревностно, что на его лбу оставались следы его поклонов. В 8 час. обедня. В 10 часов трапеза, за которою Иоанн читал назидательные творения. Все ели и пили досыта. Последним

обедал царь-игумен. После обеда царь или вел с любимцами душеспасительные беседы о законе, или же ехал в застенки пытать какую-нибудь свою жертву. По-видимому, это последнее действовало на него особенно освежающе и ободряюще: после этого он был весел, шутил и был ласковый. В 8 час. вечер ня. В десятом часу он шел спать, причем трое слепых сказывали ему сказки. В полночь он просыпался и день начинался молитвою. Нередко во время слушания божественной литургии он давал самые жестокие и бесчеловечные приказания. Таким образом, царь жил между алтарем и застенками, с совершителями бескровной жертвы и исполнителями бесчеловечных и кровожадных приказаний, часто он был одновременно и игумен и палач. Такое сочетание может давать только душевная болезнь.

Беспокойный, непостоянный и суетливый царь, вечно пребывающий в тревоге и волнении, он часто прерывал эту жизнь отъездами в монастыри, на охоту на диких зверей и на травлю своих подданных в Москве и других городах.

Такая смесь аскетизма и строгой религиозности и кровожадного зверства дополнялась безнравственной половой необузданностью. Так, царь часто приказывал силою приводить к себе чужих жен, обесчестив которых отдавал на поругание опричникам, а затем возвращал мужьям. Иногда, опасаясь, чтобы муж не вздумал мстить за это безобразие, царь приказывал мужей умерщвлять, в некоторых случаях он не брезговал и издевательствами над опозоренными мужьями. Так, передают, что в одном случае Иоанн приказал изнасилованную жену повесить над порогом дома мужа и оставить труп в таком положении две недели, в другой же раз повешена была жена над обеденным столом своего мужа…

Желая проверить верность своих бояр, Иоанн не брезговал посылать им подложные письма от имени польского царя. Так были посланы письма князьям Вельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему Федорову. Бояре представили эти письма царю, присовокупив проклятия против Сигизмунда. Бояре были помилованы.

Но конюшего Федорова царь захотел извести, измыслив в своем больном воображении на него обвинение в том, что он хочет свергнуть его с престола и сам сделаться царем. Поэтому царь позвал конюшего к себе, приказал нарядиться в царское одеяние и посадил на престол. Засим он начал кланяться ему в землю и говорить: «здрав буди, государь всея Руси! Вот ты получил то, чего желал. Я сам сделал тебя государем, но я имею власть и свергнуть тебя…» С этими словами царь вонзил нож в сердце боярина. Тело убитого Федорова выбросили на съедение

собакам, а престарелую жену его приказано умертвить. Вслед за сим были, по приказанию Иоанна, замучены единомышленники казненного: князь Куракин-Булгаков, Дмитрий Ряполовский, три князя Ростовских, Петр Щенятев, Турунтай-Пронский, Тютин, Казарин-Дубровский и многие другие. Опричники, вооруженные длинными ножами и секирами, бегали по городу, искали жертв и убивали всенародно ежедневно 10–20 жертв. Трупы валялись на площадях и никто не смел их трогать. Граждане боялись выходить из домов. По приказанию того же царя, его охрана захватывала жен опальных людей, – некоторых из них проводила к царю, других сама бесчестила, – врывалась в их вотчины, жгла дома, мучила и умерщвляла крестьян, раздевала донага девушек, в поругание заставляла их ловить кур и затем расстреливала. Но были многие и такие женщины, которые не могли пережить своего бесчестья и сами лишали себя жизни.

Что же представляла собою земщина? Несчастную беззащитную жертву, обреченную на пытки, истязания и растерзание царя и его опричны. Дело было поставлено так, что земщина существовала самостоятельно и почти независимо от Иоанна. Только по важным делам доклады производились Иоанну, – во всем же остальном она имела независимость. Во главе земщины стояли бояре и выборные люди, которые, якобы, и управляли государством. На самом же деле все это была фикция. Все и во всем подчинялось и трепетало перед державным. Чтобы еще больше увеличить обособленность земщины и опричны, государства и государева, Иоанну благоугодно было назначить для земщины даже особого номинального государя. Таким государем назначен был казанский царевич Симеон Бекбулатович. Этому самодержцу Иоанн лично писал челобитные, где униженно называл себя и детей уменьшительными именами. Вот одна из таковых челобитных, писанная 30 октября 15 75 г.

> «Великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси сю челобитную подал князь Иван Васильевич московский и дети его князь Иван и князь Федор Ивановичи московские, а в челобитной пишем: „Государю великому князю Симеону Бекбулатовичу всея Руси Иванец Васильев со своими детишками с Иванцом да с Федорцом челом бьем: чтоб если государь милость показал, ослободил людишек перебрать бояр и детей боярских и дворовых людишек…“

Это Иоанн Грозный пишет какому-то Симеону Бекбулатовичу… Невольно вспоминается опереточный фарс игры в кошку и мышку…

Царь сделал Симеона Бекбулатовича государем всея России, с титулом великого князя. Сам назывался Иваном московским и ходил как простой боярин, «весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как боярин, в оглоблях и как приедет к царю Симеону, саживается от царева места далеко, вместе с боярами», говорит летопись. Но, наружно унижаясь пред Симеоном Бекбулатовичем, власть-то Иоанн оставил при себе. Он снял с себя только царскую одежду и, навесив на Бекбулатовича, как на вешалку, все внешние признаки царского величия, оставил при себе все могущество власти.

Через два года Иоанн низложил, однако, этого самодержца и сослал его в Тверь…

Тем не менее, несмотря на всю странность, непонятность и трагикомичность подобного создания, ясно видно, что на этот счет в голове Иоанна что-то было, хотя это нечто не вылилось в ясной и определенной форме, ибо Краузе и Таубе передают, что Иоанн хотел, чтобы после его смерти старший сын наследовал земщину, а младший опричну.

Из всего этого явствует, что земщина была совершенно обезличена, безвластна и безгласна. Над ней можно было производить какие угодно опыты и испытания, без того, чтобы кто осмелился пикнуть.

Оставалось одно духовенство. Но и оно было безгласно и безмолвно.

Не имея возможности предстательствовать пред царем за невинные жертвы, митрополит Афонасий отказался от своего святительского сана и удалился в Чудов монастырь…

На место Афонасия Иоанн захотел возвести казанского архиепископа Германа, человека благочестивого, строгой жизни и правдивого. Но Герман поставил условием, чтобы царь прекратил казни и уничтожил опричну.

– А, ты еще не митрополит, а уже вяжешь меня, – воскликнул Иоанн, и Герман был уничтожен.

Невольно припоминаются слова Юрия Самарина: «Этот царь торжественно подтверждал суды святительские, запрещал мирянам вмешиваться в духовные дела, а между тем произвольно, без всякого суда, свергал и возводил святителей; проповедовал уважение к духовным лицам, называл их учителями, наставниками и лишал их права ходатайства и за смелое обличение предал митрополита Филиппа мучительной смерти…»

Устранив Германа, Иоанн пожелал возвести в этот сан игумена Соловецкого монастыря Филиппа. Филипп с искренними слезами умолял Иоанна не вверять ему сего бремени, но царь стоял на своем. Тогда Филипп предложил условия:

– Повинуюсь твоей воле, но умири же совесть мою, да не будет опричны, да будет единая Россия, ибо всякое разделившееся царство запустеет. Не могу благословлять тебя искренно видя скорбь отечества.

На это Иоанн смиренно отвечал:

– Разве ты не знаешь, что меня хотят поглотить, что ближние мои готовят мне гибель!

Филипп оставался непоколебим; но и царь стоял на своем. Тогда Филипп, после долгого обдумывания и совещаний, согласился принять святительский сан.

Наступило некоторое время мира и тишины в государстве. Царь был сдержан и не позволял опричне злодействовать. Это затишье было, однако, не в духе опричны, да и не могло долго держаться рядом с бредом подозрительности и преследования больного царя. Опричники одолевали царя доносами и жалобами, а царь терзался в своей душе тревогой и опасениями. Начались новые преследования и обвинения. Явились новые невинные жертвы.

Сам царь, обдумывая вступление митрополита, начал относиться к нему подозрительно, видя в нем создание бояр и подозревая, что он действовал заодно с ними и по их наущению.

Между тем и митрополит, оставив в стороне опричну, считал себя обязанным заступиться пред царем за невинные жертвы царского гнева и злодейства его приближенных. Царь оправдывал себя тем, что его окружают злейшие враги. Филипп продолжал защищать безвинных.

– Молчи, отче, молчи, – говорил Иоанн, – и благословляй нас.

– Наше молчание ведет тебя ко греху и всенародной гибели. Господь заповедал нам душу свою полагать за друга своя.

– Не прекословь державе нашей, а не то гнев мой постигнет тебя, или оставь свой сан.

– Я не просил тебя о сане. Я не посылал к тебе ходатаев и никого не подкупал. Зачем сам взял меня из пустыни? Если осмеливаешься поступать против закона, то делай как хочешь, а я не буду слабеть, когда приходит время подвига.

Так создавалась бездна между царем и митрополитом. Было слишком очевидно, что митрополиту несдобровать. Вскоре это оправдалось.

Однажды в воскресный день митрополит служил в Успенском соборе. Явился царь. Царь и опричники были в черных мантиях и высоких тафиях. Иоанн приблизился к митрополиту и ждал благословения. Митрополит упорно смотрел на образ Спасителя, не обращая внимания на царя. Тогда бояре сказали митрополиту:

– Святый Владыко, се государь, – благослови его!

– В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, – ответствовал митрополит. – Не узнаю его и в делах царства… О государь! мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская! Отколе солнце сияет на небе, не видано и не слыхано, чтобы цари благочестивые столь ужасно возмущали собственную державу. В самых языяеских царствах есть закон и правда есть и милосердие к людям, – а в России их нет! Достояние и жизнь граждан не имеет защиты. Везде грабежи, везде убийства, – и все это совершается именем царя… Ты высок на троне. Но есть Всевышний Судья наш и твой. Как предстанешь на суд Его, – обагренный кровью невинных, оглушаемый воплем их муки? Самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. Государь, вещаю тебе о сем яко пастырь душ. Боюся Господа Единого!..

Иоанн трепетал от гнева.

Ударив жезлом о камень, он дико закричал:

– Чернец, доселе я излишне щадил вас, мятежников! Отныне буду таким, каким меня нарицаете. – Сказав это, царь удалился из церкви.

На другой день начались новые казни. Всех сановников митрополита взяли под стражу, терзали, допрашивали и ничего не узнали.

На самого митрополита царь не решался, однако, наложить свою руку. Трусливый по природе, он пока еще терпел.

В июле 1568 г., в полночь, царские любимцы, Вяземский, Малюта Скуратов и Василий Грязной, совместно с опричной ворвались в дома знатных людей, у которых были красивые жены, похитили их жен и увезли их из города. По их следам, с восходом солнца, выехал и Иоанн. На первом же ночлеге ему доставили похищенных женщин. Лучшие были оставлены Иоанну, остальные достались приближенным. Между тем царь продолжал объезжать Москву, жег усадьбы опальных людей, казнил их людей и уничтожал Даже самый скот. Наконец, вдоволь насытившись, он приказал опозоренных женщин возвратить на место жительства.

28 июля 15 68 г. произошло последнее столкновение между Иоанном и митрополитом Филиппом. Митрополит служил в Новодевичьем монастыре. Был храмовой праздник. Иоанн явился с толпою пьяных опричников. Во время служения митрополит заметил, что один из опричников был в тафье. Обратившись к царю, митрополит сказал:

– Царь, разве приличествует благочестивому держать агарянский закон?

– Как, кто, что? – завопил царь.

– Один из ополчения твоего из лика сатанинска.

Между тем опричник поспешил тафью схватить и скрыть.

Царю донесли, что это вымысел митрополита. Царь ушел возмущенный и решил судить митрополита. Не нужно добавлять, что суд был с пристрастием. Святителя судили и осудили.

В день Архангела Михаила митрополит служил в Успенском соборе. Митрополит стоял в полном святительском облачении. Вдруг явился Басманов с опричниками. Служение приостановилось. Басманов читает приговор собора, лишающий митрополита пастырского сана. В это время опричники врываются в алтарь, срывают с митрополита митру и одеяния, надевают на него изодранную рясу и выводят из церкви, заметая след метлами. Святителя садят на дровни и везут в Богоявленский монастырь. Народ бежит следом и горько плачет, получая святительское благословение, а опричники кричат, богохульствуют и бьют митрополита своими метлами.

– Молитесь, дети, молитесь за царя, – напутствовал архипастырь свою паству.

Филиппа в колодках и кандалах увезли в монастырь св. Николая и морили там его голодом. Говорят, что царь приказал казнить племянника митрополита и, отрубив голову, послал ее митрополиту; а затем казнил и других родственников митрополита, Калачевых. Наконец, Филипп водворен был в Отрочь монастырь в Твери, где его собственноручно удушил Малюта Скуратов.

Сбыв беспокойного митрополита, Иоанн захотел отделаться еще от одного неприятного человека. В лице князя Владимира Андреевича Иоанн видел человека, на которого недовольные могут взирать, как на заместителя царя. Такой человек для Иоанна и неудобен и даже опасен. Явился донос, что Владимир Андреевич намерен передаться Сигизмунду. Царь заманил его в Александровскую слободу и умертвил князя и жену его. Вместе с этим Иоанн приказал утопить мать Владимира Андреевича монахиню Евдокию, а также и инокиню Александру, жену брата Иоанна, Юрия, инокиню Марию и с ними еще двенадцать человек.

Прошло еще несколько месяцев. Жажда крови усилилась в Иоанне. Его рассудок все более и более затемнялся (Костомаров). В сентябре 1549 г. умерла вторая жена его Мария Темрюковна. Иоанну вообразилось, что и она отравлена, подобно Анастасии. Постоянный ужас и каждоминутная боязнь за свою жизнь все более и более овладевали царем. Он был убежден, что вокруг него множество врагов и изменников, а отыскать их он не в силах. Он готов был то истреблять поголовно чуть не весь русский народ, то бежать от него в чужие края. Уже и своим опричникам он не верил. Он чувствовал, что Басмановы и Вяземские и братья их

овладели им не хуже Сильвестра и Адашева. Он их ненавидел и уже близок был и их конец. В это время Иоанн приблизил к себе лекаря Бомелия. Хитрый голландец поддерживал в Иоанне страх астрологическими суевериями, предрекая бунты и измены. Он же и внушил Иоанну мысль – искать у английской королевы Елизаветы пристанища, на случай бегства из России во время бунта и мятежа Иоанн писал Елизавете, что изменники составляют против него заговоры, злоумышляют с его врагами и хотят истребить его со всем семейством. На эту просьбу Елизавета отвечала полной готовностью служить Иоанну.

В царствование Иоанна Грозного в Швеции царствовал король Эрик. Это был также душевнобольной человек и по своим зверствам и безрассудным поступкам во многом походил на Иоанна. Екатерина, сестра Сигизмунда, на которой хотел жениться Иоанн, впоследствии вышла за герцога финляндского, сына Густава Вазы, Иоанна. Эрик, воспользовавшись случаем, схватил Иоанна финляндского и заключил его в темницу. Екатерина была также в руках Эрика. Иоанн Грозный заключил союз с Эриком, но одним из важных условий он поставил выдачу Екатерины. Эрик согласился. Но этот договор был настолько возмутителен, что советники Королевской Думы не исполнили заключенного условия, да и сам Эрик скоро был свергнут с престола.

Опозорив и устранив святителя, дерзавшего предстать пред царем с обличением в неправильном управлении государством, – устранив князя, могущего при некоторых неблагоприятных условиях быть ему заместителем, – истребив всех бояр, имевших за собою те или другие доблести, – умертвив даже своих родных инокинь, – Иоанн не может уже утолить своей кровавой жажды казнью десятков и сотен людей, а задумывает стереть с лица земли целые города. Предпринимается неслыханное и непонятное для обыкновенного человеческого ума дело. Владетельный князь и царь предпринимает поход и истребление своих владений, которые не только живут мирно, но и являются образцовыми верноподданными. Поводов для этого и не нужно. Достаточно, чтобы в больном уме царя возникла какая-нибудь сумасбродная мысль, чтобы Иоанн привел ее в исполнение.

Можно думать, что мысль о разгромлении Новгорода возникла у Иоанна таким способом. Новгород, являясь частью Московского княжества, пользовался, однако, кое-какими самыми ничтожными правами, льготами и преимуществами. Подобная призрачная самостоятельность Новгорода, никогда и никому ни в чем не мешавшая, не вязалась с больными мыслями Иоанна о преследовании и величии и с состоянием подозрительности. Не

щадя ни святителей, ни иноков, ни родных, ни людей знатных и заслуженных, Иоанн не мог терпеть Вольный город – Новгород. Уже одна мысль, что это был Вольный город, была достаточным основанием для воли Иоанна, чтобы стереть его с лица земли. И он его стер.

Иоанн придрался к самому дикому и подлому Доносу о заговоре знатных новгородцев передаться польскому королю. Поэтому в 1569 году Иоанн решил поход на Новгород – войною. С этою целью он стал во главе опричников и остального войска. Передовым отрядом командовал наследник престола, Иоанн, столь же дикий и кровожадный, как и его отец. Ошибочно, однако, думать, что война предпринималась только против новгородцев и находящихся в одинаковом положении с ними псковитян. Вся полоса земли от Москвы и до Новгорода была предана огню и мечу.

Первым на пути в походе на Новгород стоял Клин. Опричники, налетев на этот город, разорили его и сожгли, имущество жителей подвергли грабежу, а самих жителей убивали. Несчастные жители Клина, не знавшие за собою никакой вины и никогда не ожидавшие иного нашествия, как только иноплеменных, бежали кто куда мог, оставив имущество и жизнь больных, дряхлых и слабых на утоление жажды жестокого врага.

Насытившись вдоволь уничтожением Клина, армия двинулась на Тверь, подвергши той же участи уничтожения и разорения Городню и другие места, чрез которые проходили. Жители сих поселений выходили встречать своего царя-отца с хлебом и солью и приняли поругание и смерть. Не желая, чтобы тверитяне или новгородцы были предуведомлены о его пришествии и нашествии, Иоанн приказал убивать всех, кто будет встречаться на пути, дабы они не могли предупредить жителей о его прибытии.

Достигши Твери, Иоанн приказал войску окружить город со всех сторон, дабы никто не мог уйти. В этот-то поход был собственноручно удушен Малютою Скуратовым митрополит Филипп, заключенный в Отрочем монастыре.

Под Тверью войска стояли шесть дней, причем сам Иоанн расположился в одном из окрестных монастырей. Грабеж начался с дома и имущества епископа и затем перешел на духовенство. Граждане думали, что этим дело и закончится; но думы эти были ошибочны. Через два дня, по приказанию царя, опричники бросились в город и предали его неистовому грабежу. Они бегали из дому в дом, что могли стащить – тащили, чего не могли взять – ломали и портили. Так они ломали мебель, били окна, рубили ворота; воск, лен и кожи свозили в кучи и затем сжигали. Разорив

и уничтожив так город, опричники опять ушли на свои места, а жители думали, что им оставили хотя жизнь. Но это была горькая ошибка. В темницах Твери содержались многие литовские и немецкие пленные. По приказанию царя, их тащат на берег Волги, рассекают на части и бросают под лед. А опричники накидываются на несчастных жителей. Они бьют кого попало и предают истязаниям и мучениям. Мужчин, женщин и детей жгут огнем, рвут клещами и вешают, достаточно же насытившись, мертвых бросают в Волгу.

Удовольнив себя, Иоанн свирепствует в Медном и направляется на Торжок. Здесь также произведены были убийства как мирных жителей, так и пленных немцев и татар. При казни последних озлобленные и пришедшие в отчаяние мурзы бросились на Иоанна и его приближенных; Малюта Скуратов был ранен, Иоанн же избавился от опасности.

За Торжком подверглись разорению, разграблению и казням Вышний Волочек, Валдай, Яжел-бицы, Выдропуск, Хотилово, Едрово, Крестцы, Зайцеве, Бронницы и все остальные места до Ильменя. Опричники по дороге рассеивались по деревням, грабили имущество и убивали народ.

Еще в то время, когда царь со опричной разорял Торжок и другие города, царское войско окружило Новгород, дабы никто не мог уйти из него. Церкви и монастыри были опечатаны. Духовенство и монахи были схвачены, закованы и поставлены на правеж. Каждый из них должен уплатить выкуп в 20 новгородских рублей, и если кто не мог внести требуемой пени, его били ежедневно на площади. Так продолжалось пять дней. Не лучшей участи подверглись дворяне, дети боярские и торговцы. Их опричники заковали и отдали под стражу, жен и детей держали на дому, а имущество их опечатали. Никто не знает ни вины, ни повода опалы.

Ждали прибытия Иоанна.

Иоанн явился 6 января 15 69 года. Немедленно издано приказание умертвить игуменов и монахов, стоявших на правеже. Их убили дубинами и тела разослали по их монастырям.

Царь объявил, что 8 января он прибудет в Софийский собор к обедне.

По обычаю, архиепископ встретил царя на Волховском мосту у часовни Чуднаго креста, со всем собором, крестами и иконами. Но царь не принял благословения архиепископа и не целовал креста, а держал такую речь:

«Злочестивец, в руке своей ты держишь не крест животворящий, а острое оружие, которым ты, с своими злоумышленниками, жителями сего города, хочешь уязвить наше

царское сердце! Вы хотите отчизну нашей державы, Великий Новгород, передать польскому королю. С этих пор ты не пастырь и не сопрестольник Св. Софии, а волк, хищник, губитель и изменник нашему царскому венцу…»

Засим царь приказал служить обедню. Во время богослужения Иоанн усердно молился, а после обедни отправился со всеми своими приближенным в столовую палату – за трапезу. Но едва подана была пища, как царь завопил диким голосом. Это был условный знак для грабежа. Все присутствовавшие схватились и бросились на злодейство. Архиепископ Пимен был схвачен. Опричники бросились грабить владычную казну.

Царский дворецкий и духовник завладели ризницею и казною Св. Софии, а отсюда отправились по всем церквам и монастырям грабить казну и ризницы в пользу царя. Сам Иоанн уехал в Городище. Туда он приказал привести тех новгородцев, которые были взяты под стражу еще до его прибытия. С ними привели их жен и детей. Иоанн приказал всех их раздеть и подвергнуть истязаниям. И действительно, они преданы были «неисповедимым» мучениям. Их били, терзали и жгли особенным, изобретенным самим царем, составом. После этого их привязывали к саням ногами и волокли за царским поездом до Новгорода, за этими мучениками везли их жен и детей. Замученных новгородцев бросали с моста в Волхов, а за ними спешили отправить связанных их жен и привязанных к ним детей. Царские слуги ездили по реке и баграми добивали тех, кто случайно всплывал.

Пять недель в таком виде ежедневно проявлялась царская ярость. Насытившись вдоволь убийствами, Иоанн начал ездить по монастырям и на своих глазах истреблять огнем хлеб в скирдах и зерне, рубить лошадей, коров и всякий скот.

Существует предание, что, прибыв в Антониев монастырь, Иоанн после обедни явился в трапезу, а затем издал приказ истребить все живущее в монастыре.

Не остались без истребления и простые смертные Новгорода. Иоанн приказал уничтожать товар, лавки, ломать двери и дома, бить окна и истреблять все имущество жителей. То же самое опричники проделывали и в окрестностях Новгорода.

Число убитых в Новгороде показывается различно, от 15 до 60 тысяч. Псковский летописец повествует, что Волхов был запружен телами. Все следующее лето свозили кучами умерших и утопленных и погребали. Но, помимо замученных и убитых, многие успели бежать из Новгорода и из этих беглецов Новгорода впоследствии образовались целые поселения.

Вдоволь насытившись кровью совершенно невинных и

мирных граждан собственного государства, Иоанн, наконец, захотел показать им свою милость.

13 февраля созваны были уцелевшие новгородцы и к ним-то Иоанн держал такую речь:

«Жители Великого Новгорода! Молите Всемилостивого, Всещедрого и Человеколюбивого Бога о нашем благочестивом царском державстве, о детях наших и о нашем христолюбивом воинстве, да дарует Он нам победу и одоление на видимых и невидимых врагов наших! Пусть будет Бог Судиею изменнику моему и вашему, архиепископу Пимену, и его нечестивым советникам и злоумышленникам. На них, изменниках, взыщется здесь пролитая кровь… Живите и благоденствуйте в сем городе. Наместником я оставлю вам князя Пронского».

Пимена Иоанн отправил в Москву.

Из Новгорода Иоанн отправился в Псков, намереваясь и с ним расправиться, подобно Новгороду. Но находчивый воевода, князь Юрий Токмаков, сумел отклонить гнев и грозу, носившуюся над Псковом. Говорят, что отклонению злодейства в Пскове много содействовал юродивый Никола, весьма грозно и строго встретивший Иоанна.

Так ли это или иначе, но Иоанн ограничился только грабежом церковной казны и частного имущества и не тронул жизни жителей.

Возможно и еще одно толкование спасения Пскова. На Иоанна, как и на всех подобных больных, ярость, гнев и кровожадность нападают приступами. Наступает подобный приступ зверства, и он губит все живое. Оканчивается приступ ярости, и убийства прекращаются. Если мы проследим жизнь Иоанна после смерти Анастасии, то и здесь мы увидим, что на общем фоне жестокости, зверства и кровожадности все эти явления по временам ожесточались до невероятных, чисто болезненных, размеров, в другой же раз они стихали и уменьшались. Так, по-видимому, было и теперь.

Весьма возможно, что необычное усилие кровожадности и убийства, возникшее в Иоанне и выразившееся в стремлении к уничтожению целых городов, с злодействами новгородскими, постепенно ослабело и к прибытию в Псков снизошло до обычного состояния, почему Псков и отделался только лишь потерею имущества.

Возможно и то, что в таком периоде болезненного состояния Иоанна на него могли благотворно повлиять и находчивость воеводы, и бесцеремонность юродивого. Ибо не подлежит никакому сомнению, что если бы ярость и жажда крови Иоанна не были удовлетворены раньше, то никакая находчивость, никакая

дерзость и остроумие не спасли бы Пскова. Если Животворящий Крест и святительское облачение не удержали в Новгороде зверства Иоанна, то тем паче без последствий остались бы приемы псковитян.

По возвращении Иоанна в Москву в кровопролитии наступило затишье. Велось следствие об измене архиепископа Пимена и знатных новгородцев; сюда же прихвачены были некоторые знатные бояре: канцлер Иван Висковатый, казначей Никита Фуников, боярин Семен Яковлев и другие. Но интереснее всего было то, что к этой же партии судимых причислены были самые близкие царские любимцы и его сподвижники, именно князь Вяземский, Алексей Басманов и Федор Басманов, «прекрасный лицом, гнусный душою, без коего Иоанн не мог ни веселиться на пирах, ни свирепствовать в убийствах»… Последние три примера прекрасно учат, что стоять близко к солнцу весьма приятно, но еще лучше быть от него подальше и в неизвестности.

Нельзя не обратить внимания на одну черту характера Иоанна, которая особенно резко выразилась в деле обвинения Вяземского. Афанасий Вяземский был самый близкий к Иоанну человек. Из его рук Иоанн брал пищу и лекарство, с ним в тишине ночи он обсуждал планы своих злодейств. Однажды, по обычаю, проболтав с Иоанном до глубокой ночи о важных государственных делах, Вяземский возвратился домой и увидел, что верные его слуги перебиты. Познал он, чье это дело, но не подал и вида на огорчение. Это не спасло его. Он был ввержен в темницу, где уже сидели Басмановы, и в ней в пытках окончил свои дни.

Наконец, следствие о государственном преступлении было окончено и все судимые были осуждены. Начались приготовления к казни изменников. Это было нечто небывалое. На торговой площади поставили 18 виселиц. Рядом с этим разложили орудия для производства различных мук. Зажгли высокий костер и над ним повесили огромный чан с водою. Москвичи, видавшие много раз виды, памятуя судьбу Новгорода, на этот раз струсили. Каждый запрятался, где только мог, и площадь казни оставалась пустою. Явился царь с царевичем и свитой, а за ними вели, в виде мертвецов, 300 или более осужденных. Увидев площадь пустою, царь остался недовольным. Ему нужны были зрители, и он послал согнать их насильно. Наконец и сам царь отправился за публикой, обещая жителям безопасность и милость.

Нагнали народ. Царь держал речь.

– Народ, увидишь муки и гибель, но караю изменников! Ответствуй, прав ли суд мой?

Все отвечали единогласно:

– Да живет многие лета государь великий! Да погибнут изменники!

На этот раз царь превзошел себя и из осужденных на казнь некоторых помиловал.

Между тем начались казни. Висковатова повесили вверх ногами и затем рассекали на части, причем начало истязаниям положил Малюта Скуратов, отсекши Висковатому ухо. Фуникова обливали кипятком и холодною водою, и он умер в страшных мучениях. Остальных кололи, вешали и рубили. Сам Иоанн, сидя на коне, пронзил копьем одного старца.

Совершив все эти злодеяния, опричники с криками «гойда» окружили своего повелителя и восхваляли его правосудие. Но и этим Иоанн не довольствовался. Он поехал в дом к Висковатому и Фуникову, издевался над их женами, а пятнадцатилетнюю дочь Фуникова отдал царевичу Иоанну. Архиепископ Пимен был лишен сана и сослан в Тульский монастырь Св. Николая. Отец Басманов, по приказанию царя, был убит своим сыном Федором, который в свою очередь не избежал тоже казни.

Три дня убирали мертвые тела казненных, а на четвертый день начались новые казни. Жены убитых 80 дворян были утоплены в реке.

В это время гибли последние остатки славных людей Иоаннова царствования. Так погиб славный воевода, князь Петр Оболенский-Серебряный, Очин-Плещеев, Хабаров-Добрынский, Иван Воронцов, Василий Разладим, воевода Кирик Тырнов, Андрей Кашкаров и Михаиле Лыков. Почти все государственные видные деятели жили изо дня в день готовые во всякий момент принять смерть. Некоторые даже шли в монахи, будучи глубоко убеждены, что их не минует царское внимание. Так Михайловский воевода Никита Казаринов-Голохвастов, ожидая смерти, удалился в монастырь на Оке. Но и сюда ворвались опричники за своею жертвою. Воевода сам вышел им навстречу. «Я тот, кого вы ищете!» И его взяли. В этом случае царь проявил необыкновенно жестокое остроумие даже над религиозною стороною жизни. Так как воевода Казаринов-Голохвастов был схимник, а ангелы летают по небу, то царь приказал взорвать воеводу на бочке пороха, дабы он уподобился ангелам.

Чиновник Мясоед имел красивую жену. Ее схватили, обесчестили, повесили перед глазами мужа, а затем отрубили голову и ему.

Казнили при этом не только осужденных и за компанию их близких родных, но и отдаленных родственников за честь быть родственниками осужденных. Так, Иоанн собственноручно убил князя Ивана Шаховского за то, что тот был родственником

Колачевых; по той же вине погибли князья Прозоровские, Ушатые, многие Заболотские и Бутурлины.

Некоторые честные люди и славные деятели искали смерти на поле брани. Так погибли, мужественно защищая Донецкую крепость против татар, князья Андрей и Никита Мещерские. Когда они лежали уже мертвыми, явились Иоанновы палачи и довольствовались зрелищем смерти героев. То же случилось и с князем Андреем Оленкиным; но Иоанн не довольствовался смертью последнего в битве, а заморил в заточении его детей.

Мучениям и истязаниям, придумываемым Иоанном для своих подданных, не было конца. Для этого их ставили на раскаленные проволоки, сажали на особо для этого устроенные печи, мучили железными клещами, острыми ногтями и длинными иглами, разрезали по суставам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали из спины ремни и т. п. Святая инквизиция могла бы смело поднести ему премию за изобретательность…

Приводя в ужас и трепет все живущее в государстве, Иоанн не переставал жить весело и шумно, в утехах и разгуле. Теперь из Новгорода он получил скоморохов вместе с медведями. И те и другие тешили царя. Первые его развлекали шутками и остротами, вторых выпускали в народ и травили ими людей, опять-таки на забаву царя. Неудачные приемы скоморохов иногда стоили им жизни. Однажды недовольный чем-то царь вылил миску горячих щей на голову своего любимого шута Осипа Гвоздева. Последний заорал, Иоанн прекратил крик ножом. Но царю жаль было лишиться своего любимца и поэтому он позвал врача Арнольда с требованием исцеления его слуги, с которым он поиграл неосторожно.

Арнольд отвечал:

– Так *неосторожно,* что разве Бог и твое царское величество может воскресить умершего…

Царь махнул рукой, обозвал скомороха псом и продолжал веселиться.

Другой раз явился к царю воевода Старицкий, Борис Титов. Выслушав обычное приветствие, Иоанн отвечал:

– Будь здрав, любимый мой воевода! Ты достоин нашего жалованья! – и при этом отрезал ему ухо.

Часто царь, прерывая трапезу, издавал дикий крик, коим созывал своих верных опричников, и мчался плавать в крови. Так, однажды с такого пира царь помчался казнить литовских пленников, заключенных в тюрьме. Один из этих пленных вырвал копье и бросился с ним на Иоанна, но царевич, достойный сподвижник отца, убил его. Насытившись кровью вдоволь, Иоанн

возвращался в Александровскую слободу при криках опричны «гойда, гойда!».

К довершению всех несчастий в государстве явился голод и его постоянный спутник – мор. Все эти бедствия слишком ослабили и опустошили Россию: ее спасение заключалось в том, что и соседние государства были не в лучшем состоянии.

В это время в Польше умер король Сигизмунд и в числе кандидатов на престол стал Иоанн и его сын. Иоанну очень хотелось добиться польского и литовского престола, но дело это не состоялось, и Иоанн долго не мог примириться с этой неудачей.

С этой поры постигают Иоанна неудачи. Вырезав знатных вельмож, доблестных воевод и преданных правителей и советников, Иоанн терпит целый ряд поражений. Посольство Иоанна в Константинополь, для заключения союза с султаном, оказалось неудачным, не более удачным оказалось и заключение мира с Швецией. Крымский хан разорил всю Россию, сжег Москву и увел более 10 000 пленников, а Иоанн позорно бежал и прятался вдали от своей столицы и войска.

Все эти неудачи вызвали в Иоанне новые мысли об измене, кознях и злодеяниях оставшихся еще в живых бояр и, разумеется, новые казни. Этому немало способствовало еще одно обстоятельство. Вторая жена Иоанна, Мария, скончалась. Царь вздумал жениться в третий раз. Выбор пал на Марфу Собакину. Будучи невестой царя, Марфа заболела, а ставши женой – умерла. Это дало повод думать, что родственники прежних жен царя из ревности испортили царицу. Виновных нашли и казнили.

В это время погибли черкесский князь Ми-хайло Темрюкович, брат покойной царицы Марии, вельможи Иван Яковлев, брат его Василий, боярин Лев Салтыков и проч. Рядом с этими явными злодействами, по предложению лейб-медика, врача Бомелия, начались отравы сильнейшими ядами. Так были лишены жизни Григорий Грязной, князь Гвоздев-Ростовский и многие другие.

Вскоре царь женился четвертый раз, на Анне Колтовской, несмотря на то, что еще за два года перед сим он предписывал, чтобы четвертый брак «никогда не именовался и молитвы бы им не говорили». Затем Иоанн женился в пятый раз на Анне Васильчиковой и шестой раз на Василисе Мелентьевне. В четвертый раз женившись, Иоанн просил по крайней мере у епископов разрешения, следующие же разы он не затруднял себя этой формальностью.

По истреблении главных своих приближенных советников, как: Афонасий Вяземский, Басмановы, Грязной и др. Иоанн несколько менялся в своих отношениях как к обществу, так и к

государству. Он становится менее лютым, менее жестоким и менее кровожадным. Телохранители при нем еще остаются и остаются они навсегда, но теперь Иоанн не делает такой резкой разницы между опричной и земщиной, да и самое название «опрична» исчезает и заменяется другим словом – «двор».

Едва ли такая перемена могла произойти сама собою, так как Иоанн представлял собою такого человека, за которым должно было всегда искать другого. Несмотря на чрезвычайно неудачный и беспорядочный набор людей, между ними, хотя случайно, все-таки попадались люди с большим умом, пониманием дела, честолюбием и другими качествами, отличавшими их от остальной опричны. Между этими людьми выдвигается особенно Борис Годунов, близкий родственник Малюты Скуратова. Он не только проложил дорогу к Иоанну, но, по-видимому, мог легко влиять и на самое направление государственных дел. Был ли главным советником Борис Годунов или кто-либо другой, во всяком случае советники должны были быть, были и направление государственной жизни резко изменилось с удалением Вяземского и других.

С другой стороны, не могло не иметь влияния на направление деятельности Иоанна и еще одно обстоятельство. Как бы ни была затяжна душевная болезнь, однако всякая из них постепенно начинает стихать, терять свое острое проявление, и мало-помалу ослаблять остроту мыслительной деятельности и сообразительности человека. Так, по-видимому, было и с Иоанном. Болезнь его начала утихать. Бред подозрительности и преследования становится не столь резким, приступы кровожадности появлялись реже, а равно и общая умственная деятельность стала слабеть. Царь начал становиться малодушным, трусливым и без определенных мыслей.

Появившийся разлад и бессвязность между бредом преследования и приступами кровожадности был причиною того, что Иоанн довольствовался для удовлетворения своей жажды крови истреблением неприятельских пленных. Такова, напр., Венденская кара, когда мирных жителей Иоанн приказал мучить и казнить, сечь и жечь, а жен и девиц бесчестить, когда Иоанн не брезгал сажать на кол даже мертвых.

Правда, Иоанн не оставлял без милостивого внимания и своих подданных, тем не менее эти казни были уже ничтожными вспышками на общем кровавом горизонте. Так, Иоанн казнил знаменитого героя, князя Михаила Воротынского, князя Одоевского, боярина Морозова с двумя сыновьями и женою, князя Куракина и боярина Бутурлина. Затем в течение следующих двух лет были казнены: один из ревностных опричников Петр Зайцев,

Григорий Собакин, Вассиан Муромцев, новгородский архиепископ Леонид, архимандрит Феодорит, псковский игумен Корнилий и др. Интересен был повод к казни добродетельного игумена Корнилия. По пути в Ливонию Иоанн заехал в Псково-Печерский монастырь. Его встретил игумен Корнилий с братией. Иоанну бросились в глаза сильные укрепления монастыря, сооруженные Корнилием на свой собственный счет. Иоанн припомнил, что Корнилий происходит из боярского рода. Эти сооружения ему показались подозрительными. Вспомнилось былое, закипело сердце, и Иоанн быстро покончил с Корнилием своим верным жезлом. Как гласит надгробная надпись, «предпослал его царь земной Царю небесному».

А между тем военные неудачи больше и больше поражали Россию. Гордый, властительный и безгранично полновластный Иоанн чувствовал себя в высокой степени угнетенным и приниженным во внешних делах. Могущественному и самовластному владыке счастье изменило, и трусливый по природе Иоанн должен был унижаться перед теми из соседей, которых прежде ставил ни во что. Посылая послов к новому крымскому хану, Иоанн наказывал «бить челом хану и обещать ему ежегодные дары… вообще вести себя смирно и избегать колких речей…». Еще униженнее держал себя Иоанн с Баторием. На самые унизительные просьбы Иоанна заключить мир, на самые оскорбительные условия для России, предлагаемые Иоанном лишь бы только получить мир, Баторий отвечает: «не будет вам ни посольства, ни мира, ни перемирия…» А между тем Иоанн предписывает своим послам «быть не только смиренными и кроткими в переговорах, но *даже терпеть и побои…».* И это предписывает тот Иоанн, который не желал признавать Батория братом своим, считал за унижение быть с ним равным, первый, без объявления войны, напал на пределы польского царства и считал Батория избранным «не Божьего, а человеческою мятежною волею…».

Думается, что при таком унижении перед татарами, при таком страшном разгроме поляками русского войска и земли русской, при почти таком же разгроме шведами русских войск царь собирает войско, поддерживает падающий дух подданных, молится о даровании победы русскому оружию… Царь сидит в Александровской слободе и правит седьмую свадьбу. Иоанн женился на Марии Нагой. Вообще в числе резко выраженных черт болезненного характера Иоанна следует отметить распутство и разврат. Мы видели, что он проделывал со своею верною дружиною, мы знаем, как он обращался с женами своих подданных, но и всего этого ему было мало. Царь-игумен женился

седьмым браком и вслед за сим еще ищет невесту в Англии. Кроме того, Костомаров упоминает, что в ноябре 1573 года Иоанн женился на Марии Долгорукой, а на другой день, подозревая, что она до брака любила кого-то иного, приказал ее посадить в колымагу, запрячь диких лошадей и пустить в пруд, в котором несчастная и погибла. Это все не мешало царю иметь, сверх того, по 50 наложниц и не брезгать рьяным ухаживанием за женою своего сына почти на смертном одре своем…

Но самым ужасным поступком в этом периоде времени было убийство Иоанном своего собственного сына и наследника престола. О причинах этого ужасного преступления передается различно. Одни говорят, что сын заступился перед отцом за свою жену и высказал ему несколько горьких истин, другие повествуют, что наследник укорял отца в военном бездействии и просил отпустить его на войну восстановить честь России.

Разъяренный отец ударил его железным жезлом в висок, от чего царевич и скончался на четвертый день…

Иоанн каялся, плакал, рыдал, снимал с себя венец и отказывался от престола, ~ но в конце концов опять-таки продолжал быть царем.

Говорят, что после этого царь несколько дней мучился и нравственно терзался, не спал ночи и метался, как в горячке. Посылал богатые милостыни по монастырям и обильные дары на восток, чтобы молились за упокоение души убиенного Иоанна. В это-то время самососредоточия и самоиспытания Иоанна припоминаются ему все жертвы его зверства и кровожадности. Все замученные и казненные предстали пред ним, требуя возмездия и отмщения… Иоанн усиленно записывал их имена в синодик и подавал на поминовение их души за упокой. Но так как эти жертвы Молоху были неисчислимы, то приходилось ограничиваться поминовением рабов Божиих, «имена их же Ты, Господи, веси»…

> «Но однако после этого странно видеть Иоанна, сватающегося за родственницу английской Елизаветы и готового прогнать свою седьмую жену. Верить ли другим, гораздо худшим известиям? Страшно сказать, но, кажется, он до конца дней остался тем же»
>
> *(Аксаков).*

Под конец жизни Иоанн стал суеверным и нередко обращался к знахарям, астрологам и гадателям. Во время войны с Баторием он пал духом уже от неблагоприятных предзнаменований и предсказаний, почему и не решался прибегать к серьезным

военным мерам. При таком настроении всевозможным выдумкам не было конца: явилась комета на небе, – громовая стрела, зимою, при ясном небе и среди белого дня, ударила в царский дворец и зажгла его, – близь Москвы слышали ужасный голос: «бегите, бегите, Русские», – с неба упал надгробный камень с таинственной надписью и т. п.

Наконец, всеми правдами и неправдами заключен был мир с Польшей. Царь успокоился. Завели речь о новой женитьбе Иоанна на английской принцессе.

А между прочим жених развлекался казнью тех ратных людей, которые оказались трусами в войне с Баторием. Всех пленников Батория, о которых после заключения мира позабыли, ныне припомнили. И вот царь учинил им знатную казнь. Он их всех собрал и казнил мучительнейшим образом. Так погибло 2300 человек, – число еще не особенно большое для такого любителя казни, как Иоанн.

Униженный и подавленный неудачами в Ливонии, Иоанн захотел излить свою злобу на ливонских пленниках. Он приказал привести толпу этих несчастных, пустил на них медведей и сам, стоя у окна, любовался борьбою, мучениями и смертью невинных жертв в когтях страшных животных…

Иоанну в это время было 50 лет с небольшим, между тем он казался дряхлым, старым и изможденным. Пьянство, разврат, бесконечные оргии, распутная жизнь, душевная болезнь и связанные с нею душевные терзания, – все это не могло не отозваться на Иоанне и не расшатать его здоровья. А между тем оно становилось все хуже и хуже. У него явилась болезнь: какое-то гниение внутри и от него исходил отвратительный и смрадный запах. По этому поводу Oderborn говорит: «отчаявшись в помощи медицины, волнуемый душою, он влачил положительно жалкую жизнь. В течение многих дней и не говорил ни с кем, ни пищи не принимал, ни даже звука не издавал, так что казалось, будто он онемел. А затем, по истечении многих дней, когда боль открыла ему уста, он только звал своего сына Ивана. Ему мерещилось, что он видит Ивана, что он слышит Ивана, что тот с ним говорит, что он перед ним стоит, а иногда жалобно призывал его к себе, как бы живого…» Грехи опричны и содомии дали себя знать… Иностранные врачи усердно лечили Иоанна. Еще усерднее он раздавал милостыни по монастырям на поминовение о здравии болящего царя. Вместе с тем он не брезговал другою рукою раздавать милости волхвам и чародеям… В это время на небе явилась новая комета. Царь долго смотрел на нее и наконец заявил: «се знамение моей смерти». И он был прав.

Собраны были волхвы, числом до шестидесяти, со всех

концов России, из Лапландии. Волхвы гадали и толковали.

А между тем болезнь усиливалась. Вся внутренность начала гнить, а тело пухнуть. Днем мучился царь физическими немощами, ночью его преследовали видения. Враги и злоумышленники были всюду вокруг царя. Он их страшился, он их трепетал. А тут еще казненные им жертвы восстали из гробов и требовали ответа от немощного царя… Кто может описать ужас такой ночи больного человека?… Где найдутся силы и мощь вынести сообщество костяных мертвецов, требующих от убийцы отмщения за их мучения, истязания и смерть?… Астрологи предсказали Иоанну скорую смерть, но он приказал им молчать, угрожая в противном случае всех их сжечь в доме живьем.

И вот измученный, изнуренный и ожидающий смерти, царь находит себе развлечение и утешение в рассматривании своих сокровищ и драгоценных камней и толковании их значения… Летописи передают невероятный и потрясающий факт о безграничном нравственном разврате Иоанна. К разбитому, угнетенному, страждущему и умирающему Иоанну явилась супруга его сына Федора навестить немощного отца. И этот, находящийся на смертном одре и заживо разлагающийся, царь и отец не погнушался обратиться с похотливым вожделением к жене своего сына и наследника престола… Несчастная невестка с омерзением должна была бежать от сладострастного бесстыдства тестя… Обманутый, разозленный и сконфуженный, Иоанн приказал казнить всех благородных свидетелей этого последнего своего позора, а сына убеждал развестись с распутной женой (Oderborn) и вступить в новый брак.

Между тем болезнь Иоанна усиливалась и шла к роковой развязке. Самая кончина его шла необычайным способом. «В течение нескольких дней перед тем, как расстаться с жизнью, Иоанн подвергся три раза полному, похожему на смерть, лишению чувства и движений и каждый раз пребывал в таком состоянии 24 часа как мертвый, как будто Бог отложил для этих дней Свое наказание за его нечестивые дела. В первый раз придя в себя, Иоанн, с печальным выражением лица, обратился к сыну с просьбой отпустить несколько лиц, находившихся в самом строгом заключении, в ожидании казни, заявил открыто перед всеми, что из-за них он был подвергнут самым тяжким пыткам в каком-то мрачном и ужасном месте… Сын исполнил веление отца… Но гнев Божий был сильнее мольбы человеческой… Иоанн, покрытый смертельной бледностью и распространяющий страшный смрад, снова лишившись чувств, лежал на глазах окружавших его без всякого движения, ~ и снова Васильевич, возвратившись как бы из преисподней, обратился к сыну…

(просил его облегчить государственные подати, благотворительствовать обиженным и лишенным по его вине крова и давал наставление на будущую его жизнь). Сказав это, Иоанн в третий раз впал в бессознательное состояние и немного спустя, со стоном и раздирающим душу криком, испустил дух».

Перед смертью Иоанну представился его убитый сын, он разговаривал с жертвою своего преступления и громко звал его…

17 марта 15 84 г. Иоанна не стало.

По смерти над царем совершено было пострижение в монашество и в этом ангельском чине он назван был Ионою.

Подведем итоги жизни и деятельности Иоанна Грозного.

Иоанн сын родителей с значительно сомнительной нервной системой и не особенно беспорочной физической организацией, почему уже от рождения его нервная система не могла быть обычною, крепкою и устойчивою. Напротив, с появлением на свет она предназначена была стать хилою, отступающею от обычного бытия и склонною к заболеваемости. Это предположение доказывается состоянием здоровья членов семейства Иоанна Грозного: его брат был скудоумен, его дети вымирают, проявляют необыкновенную жестокость и эпилепсию. Такие семейные проявления дают основания к допущению предположения о вырождении рода. Члены таких семейств находятся под опасностью – стать вырождающимися или, как их называют, дегенератами.

Этот-то несчастный ребенок, происходящий от хилого и поврежденного дерева, с первых дней детства обрекается отчуждению и становится заброшенным. Дико, что будущий властелин столь сильной земли является забытым и отчужденным от семьи, ласки, любви матери и общества, но это верно. Его мать жила для себя и ребенок царя Василия для нее не существовал. Такие условия жизни в первые годы детства должны были породить в Иоанне замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость к окружающим и неудовлетворенность и даже некоторую степень недовольства и озлобления.

Все это те же самые черты, которые были присущи Иоанну, как неврастенику и дегенерату, от рождения, по существу унаследованной им центральной нервной системы. Итак, жизнь, с ее обстановкой и воспитанием, не только не послужила Иоанну к ослаблению, сглаживанию и уничтожению прирожденных отклонений в его характере, чувствах и душевной деятельности, а, напротив, все эти уклонения поддержала, усилила, развила, укрепила и поставила их в сугубой мере.

Таким образом простая прирожденная неврастения уже с первых дней детства получает наклонность и направление по

пути не к прекращению ее, а по пути к усилению и переходу в высшую степень болезненности, по пути к психозам.

Идем далее. Скоро Иоанн лишается матери. Какова ни была мать, а все-таки при ней существовало единство воспитания. Как оно шло, – это все равно; но при этом были одни и те же лица и вели дело по одному и тому же разумению. Ныне Иоанн бросается на произвол людских страстей. С сего времени Иоанн является не одушевленным существом, самостоятельным и самобытным, а ценным предметом, обладание которым весьма полезно то одним людям, то другим. Его держат вдали от всего и от всех, но по временам его ставят на первый план и даже применяют как деятельное орудие расправы и истребления врагов.

Такие опыты делаются не с бессловесным животным, а с существом сознательным, с человеком властным, с самодержавным царем сильного государства. Что должно было делаться в душе отрока, который ясно сознавал – это все мое, но у меня его отнимают, – которому неусыпно шептали: твои враги похитили у тебя власть, расхищают твои богатства, истязают твоих подданных, ослабляют и расшатывают твое государство, да и сам-то ты им в тягость и обузу и, быть может, наступит момент, когда они захотят и от тебя избавиться… Все это, бесспорно, шепталось юному Иоанну. Все это, без сомнения, Иоанн видел и лично, и каждый может себе представить, каковы мысли в нем должны были породить все эти обстоятельства. Подозрительность к окружающим? Бред и идеи преследования?… Да, – и то и другое; но и подозрительность и идеи преследования были в данном случае не бредовыми, а естественными, основанными на жизненных событиях и обстоятельствах. А между тем этот человек по своему существу, по своей природе наклонен был и к подозрительности, и к идеям преследования. Что же сделала жизнь с ним в этом отношении? Она усугубила их, она породила бы в нем сама и без наследственности и подозрительность, и идеи о преследовании со стороны окружающих.

Что же делают правители с Иоанном? Они умеряют его нрав? Сглаживают шероховатости? Стараются уничтожить замкнутость, скрытость и сосредоточенность? Развивают в нем ум? Воспитывают чувство долга? Внушают важность его будущего положения? Смягчают прирожденный его дикий и хищный нрав? Поселяют начала нравственности и благопристойности?… Нет, они делают совершенно все наоборот. Они его покинули одиноким. Обращались грубо и неблагопристойно. Грабили на глазах и оскорбляли в лицо. Побуждали к охоте, кровопролитию, кровожадности, жестокости и лютости к людям. Они оставили его

умственную ниву с терниями и волчицами. Они наталкивали его на разнузданность и неблагопристойность.

Скоро Иоанн показал себя достойным их питомцем. Под влиянием науськивания врагов правителей он решается показать им свои когти. Он решается расправиться с похитителями его власти и обидчиками так же сам, как расправлялся с волками, лисицами и медведями. Он решился очиститься их кровью. Но Иоанн, по природе своего скрытного, подозрительного и трусливого ума, решил действовать весьма осторожно и наверняка. Поэтому он сначала составил план действия, подготовил все к его выполнению и, когда был уверен в победе, сразу быстро и стремительно обрушился на своих врагов. Здесь он уже показал лютость и кровожадность своей природы. Шуйских он уничтожил, как диких зверей, не как царь юный, мягкий и милостивый, а как человек озлобленный, хищный и кровожадный. В своей расправе с Шуйскими Иоанн показал себя питомцем, достойным воспитателей.

Для нас важно то, что жизненные условия детства Иоанна не парализовали прирожденных его недостатков и качеств, а произвели усиление и укрепление их. Эти условия его жизни и воспитания были таковы, что они и сами по себе могли бы породить в нем те погрешности и недостатки человеческой личности, какие в нем были уже от рождения.

Казнив, однако, одних своих недругов-опекунов, Иоанн попал в руки других, едва ли лучших. Это был и для него урок.

Вскоре, впрочем, нашелся человек, который отнесся к Иоанну иначе. Он захотел воспитать Иоанна и поселить в нем начала добра. Это был патриарх Макарий.

Иоанн занимается самообразованием. Он изучает священную историю, историю церкви, летописи и историю государств. Это изучение идет не только по любознательности и по желанию приобрести познания о неизвестных предметах, но и по личному влечению Иоанна к этим предметам. Руководимый святителем, он искал в истории примеры, достойные подражания. Его фантазия быстро разгоралась. Доблести и величие исторических царей он переводил на себя и хотел сам стать таковым. Богатое поле деятельности для больной фантазии и воображения и Иоанн предался ей щедрою душою. Он создал и пышно обставил процесс избрания невесты и бракосочетания. Он же придумал пышно воссоздать и процесс венчания на царство.

Пребывая в это время в мире царственных грез, Иоанн оставался верен своей неврастенической натуре: часто он метался из монастыря в монастырь, из города в город, – еще чаще он забавлялся охотою и пролитием крови лютого зверя, – не

брезговал, однако, и кровью людей…

Выполнив планы своих фантазий, женившись и венчавшись на царство, Иоанн продолжал, однако, свою разгульную жизнь, особенно на охоте и при объездах. Уже в это время у Иоанна выяснился странный взгляд на стремление его верноподданных искать у своего отца и царя правды и защиты. Известно, чем окончились попытки новгородских пищальников и псковитян. В деле псковитян Иоанн особенно показал себя жестокосердным и кровожадным, ибо он лично истязал просителей и искателей правды. Спасением жизни псковитяне были всецело обязаны, с одной стороны, случаю, а с другой – суеверию и трусливости царя.

Наступает новый период жизни Иоанна, где он становится игрушкою диких страстей людей, его окружающих. Теперь бояре не брезгают пускать в ход стихийное начало – разъяренную чернь. Никогда не живший своим умом, постоянно ведомый на помочах, Иоанн, в этот момент народного возмущения, окончательно растерялся. А между тем его руководитель не мог явиться по физическому недугу, – да и какой был руководитель в этом отношении святитель Макарий.

И вот на сцену является Сильвестр. Во все время господства Сильвестра Иоанн представляется его отражением. Слабый волею, он служил отголоском сильного. Не имевший противных убеждений, он схватывал чужие мысли, быстро воплощал их в себе и также быстро осуществлял. Иоанну в этом периоде жилось относительно легко, ибо Сильвестр входил в его жизнь до мелочей и диктовал ему ее то сам, то устами царской супруги и Адашева.

Но Сильвестр не понимал, что он имеет дело с неврастеником, что раньше или позже его здание должно было рушиться, ибо, по неустойчивости своего характера, Иоанн не мог долго оставаться верным одному направлению. Он должен был бросить его и пойти по другому пути. Так это и было. Много этому способствовала болезнь Иоанна и обстоятельства, ее сопровождавшие. У Иоанна сразу оборвалось все к Сильвестру и Адашеву. Но, как человек трусливый, осторожный и в высокой степени подозрительный, он не решался порвать все сразу, ибо он видел, что это сила, с которой должно считаться. Верный себе, Иоанн внутри себя строит ковы и Сильвестру и Адашеву. В его воображении они уже были сверхсметные люди; они уже осуждены на казнь и казнены. Нужно только выждать обстоятельства, и он их выждал. Сильвестра и Адашева не стало.

Иоанн окружил себя людьми по своей натуре. Начались оргии, расшатавшие душу и тело царя. Подоспели страдания

Александровской слободы, лишившие Иоанна волос на голове, бороде и усах и приведшие Иоанна к одряхлению. Разгул и содомия не могли не расшатать нервной системы царя. Если бы даже это был не прирожденный неврастеник, если бы с ним не было кровавых лет его детства и отрочества, то и тогда наступившие обстоятельства его жизни могли бы развить в нем ту болезнь, которая в нем развилась. Под влиянием оргий, содомии бессонных ночей, частых переездов и метаний, у царя явился бред преследования во всем его разгаре. В основе его лежала наследственно, болезненно измененная нервная система, первые годы его жизни, система возмутительного воспитания и та среда, в которую он ныне попал. Ближайшей причиной была бесшабашная и разнузданная жизнь, которую он повел. Поддерживающими болезнь обстоятельствами послужили воспоминания прошлого и нашептывания таких приближенных, как Малюта Скуратов, Вяземский и др. Характер параноика необыкновенно ярко выражается в создании опричны. Подозрительный, бредящий врагами, трусливый и малодушный – Иоанн создает опричну, коей назначение – охранять его и изводить врагов Иоанновых.

Пользуясь таким болезненным состоянием царя, окружающие только руководили им и наводили его на следы заговоров и казней, указывая людей, коих надлежало казнить. Рядом с этим мы видим разнузданность его животных страстей и извращение его половых побуждений. Иоанн имеет семь законных жен и не брезгует содомией, а что было сверх сего, про то знает Александровская слобода.

Такие проявления гнева, ярости, лютости и разгула выражались, однако, вспышками. Это явление оттенили даже историки. У псковского летописца мы находим следующее место: «И егда же прииде Князь Великий на поле близь града и ста в обители св. Николая в Любятове, в нощи к недели и начаша утреннею звонити по всему граду, и тогда слышав князь Великий велий звон, умилился душею и *прииде в чувство* и повелел всем воем мечи притупити о камень…» Но и в промежутках между приступами Иоанн был все-таки параноик с его монастырской жизнью и уставом. Только фантазирующий параноик может превратить царя в игумена, палача – Ма-люту Скуратова в келаря, а остальных опричников в братию. Собственно говоря, это великое кощунство, которое Иоанн совершил, однако, по болезненному недомыслию, в глубоком и искреннем убеждении в правоте и праведности. Вся эта трагикомедия братства в малом виде имела своим первообразом послеобеденные душеспасительные беседы Иоанна, прерываемые удалением его в

застенки для личного участия в истязаниях своих мнимых ворогов, после чего Иоанн пребывал в благодушии и хорошем настроении духа.

Мы видели, как параноик, в своем бредовом озлоблении, постепенно разгорается жаждою крови, как он стремится больше и больше упиться кровью своих врагов, как он желает одним взмахом снести им всем головы и пролить реки вражеской крови. Это мы видим в Иоанне в полной силе и развитии. Его казни возрастали crescendo и crescendo с десятков на сотни, с сотен на тысячи, с тысяч на десятки тысяч… Кто может без ужаса вспомнить его кровавый поход на Новгород… В этом походе он смело мог бы ехать на ладье по потокам проливаемой им крови своих детей и верноподданных. Такое злодейство может совершить только параноик. Это не преступление, а деяние душевнобольного, невменяемого, но и не правоспособного…

Помимо этой грандиозной картины истребления жителей государства, не можем не припомнить проявления холодной злобы, ненависти, издевательства и злорадства в мелких приемах при казни тех или других лиц, напр. Голохвастова и др. Только душевнобольной человек может употреблять такие приемы зверства и бессердечия.

Эти поступки зверства и кроволития ясно показывают нам, в какой мере Иоанн был одержим и мучим идеями подозрительности и преследования. Это ясно показывает нам, что сам Иоанн не имел покоя и был в такой же мере мучим и истязаем идеями преследования со стороны его врагов. Кто его враги? Бояре. Но мучил он всех без разбора: и тех, кто подавал к тому повод и кто не подавал. Он мучил одинаково и бояр, и детей боярских, и служилых людей, и людей подлого сословия. Его казни были прямо пропорциональны напряженности его бредовых идей.

К концу жизни эти казни начали ослабевать. Этому можно находить объяснения в том, что болезнь Иоанна начала ослабевать, постепенно утихать и мало-помалу переходить в слабоумие. Да и бояр-то стало поменьше. При этом не забудем еще одной черты параноиков – их эгоизма и абсолютного бессердечия. Иоанн казнил своих врагов-бояр. Это понятно. Но Иоанн вполне обдуманно и хладнокровно казнил и своих друзей: Басманова, Вяземского и др. Для него нет на свете близких и дорогих, и лучше быть таким людям неизвестными, чем попасться на глаза.

Нужно ли говорить о беспримерных проявлениях его лютости и безнравственности – убийстве сына и поползновении на жену другого… Такие вещи может сделать только параноик.

Это одна сторона его болезни. Обратимся к другой.

Иоанн царь могущественного Московского княжества. Он ведет весьма удачные войны. Он ведет личные переговоры с послами, является перед народом, держит речи, лично вступает в диспуты, пишет послания, и во всем этом проявляет себя не только не ниже других людей, а даже выше. Какой же он душевнобольной? Вопрос вполне позволительный и сомнение естественное. Но жизнь наша дает случаи подобного сочетания ума и безумия, здоровья и болезни, и примером тому служит именно то болезненное состояние душевной деятельности, которое известно под именем мономании, или паранойи.

Если мы в царствовании Иоанна Грозного отделим даже то, что принадлежит его соуправителям, от того, что принадлежит ему самому, то и тогда найдем, что Иоанн, в известные моменты, не лишен был здравых понятий, рассуждений, знаний и поступков. Вне пределов своего бреда он был обычным человеком. Правда, этот человек не отличался особенным умом, особенными дарованиями, особенными подвигами, но это был человек, как все люди.

Я не могу согласиться с тем, чтобы Иоанн Грозный отличался блестящим умом и блестящими дарованиями. Я не вижу этого и в его сочинениях и вполне соглашаюсь в этом отношении с мнением проф. Ключевского: «Иоанн решительно подкупает читателя своею задушевностью, жаром речи, иногда доходящим до ораторского блеска. Под первым впечатлением письма Иоанна к Курбскому, в которых каждая страница кипит и пенится, читатель готов признать у царя самые широкие и политические воззрения. Но сняв эту пену, находим под нею скудный запас идей и довольно много противоречий. Он, пользуясь его же выражением, „едино слово пишет, обращая семо и овамо“, диалектически развивает одну мысль, которую противопоставляет притязаниям своих политических противников…»

На основании этого короткого очерка жизни Иоанна я с убеждением позволяю себе высказать мнение, что Иоанн Грозный был душевнобольной человек, причем его душевная болезнь выражалась в форме однопредметного помешательства (мономания, или паранойя), позволявшего ему одновременно и управлять государством, и совершать деяния, которым могут быть найдены объяснения только в его болезненном душевном состоянии.